

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

НЕПРОЩЕННЫЙ

Максим ШАХОВ

Полковник ФСБ Виктор Логинов

Максим Шахов

Непрощенный

«ЭКСМО»

2009

Шахов М. А.

Непрощенный / М. А. Шахов — «Эксмо», 2009 — (Полковник ФСБ Виктор Логинов)

Полковник Управления по борьбе с терроризмом ФСБ Виктор Логинов прибывает в Крым по делу, не очень на первый взгляд сложному. Несколько месяцев назад ему наконец-то удалось ликвидировать предателя, экс-офицера ФСБ Кашеева, который при преследовании упал в глубокую штольню в скале. Но группа спелеологов не обнаруживает тела беглого предателя... Самым невероятным образом Кашееву удастся выжить, и теперь Логинову во что бы то ни стало нужно выйти на его след. Кашеев тем временем налаживает контакт с ЦРУ, откуда получает задание подорвать компрессорную станцию строящегося в Краснодарском крае газопровода. Логинов уже имеет некоторые зацепки, подтверждающие, что он идет по верному пути, но успеет ли он предотвратить надвигающуюся катастрофу...

© Шахов М. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	10
5	12
6	13
7	14
8	15
9	16
10	17
11	18
12	19
13	20
14	21
15	22
16	23
17	25
18	26
19	27
20	28
21	29
22	30
23	31
24	33
25	34
26	35
27	36
28	38
29	39
30	41
31	42
32	43
33	45
34	47
35	48
36	50
37	52
38	54
39	56
40	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Максим Шахов

Непрощенный

1

Около восьми тридцати утра первого сентября корабль береговой охраны ВМС США «Даллас» медленно подошел к причальной стенке Севастопольского морского торгового порта. В официальных документах этот визит именовался «дружественным», однако выстроившиеся на берегу крымчане в едином порыве скандировали: «НАТО, гоу хоум!»

Впрочем, протестантов было всего около ста тридцати человек. Ведь как раз в это время во всех школах города-героя начинались линейки, посвященные началу нового учебного года. Так что время швартовки было отнюдь не случайным, как и сам заход «Далласа» в Севастополь. За всем этим стояло Центральное разведывательное управление США. Точнее, заместитель начальника оперативного управления ЦРУ Чарльз Купер.

На борт «Далласа» Купер поднялся около суток назад. Ночью, под покровом темноты и закрывших небо облаков. С подводной лодки. И именно после этого «Даллас», державший курс к побережью Турции, направился в Крым. Об истинной цели этого визита не знали не только члены экипажа «Далласа», но и сам командир фрегата. В специальной шифротелеграмме ему было просто предписано «оказать полное и исключительное содействие командору Куперу в испытании новых образцов радиоэлектронной техники для ВМС США».

Как и положено по расписанию, при заходе в порт и швартовке командир «Далласа» капитан третьего ранга Хьюз неотлучно находился на мостике. Под прицелом многочисленных фото- и телеобъективов. Купер же наблюдал за берегом через иллюминатор из своей каюты. Причем так, чтобы никто даже случайно не смог бы увидеть или уловить объективом камеры его лица. Когда фрегат наконец привалился бортом к причалу, Купер подался назад.

– Порядок, сэр? Бросили концы?

– Да, Сэм, – кивнул Купер.

Человек, находившийся в его каюте, был одет в матросскую форму. На вид ему было около тридцати. Обветренное лицо с загрубевшей кожей выдавало бывалого моряка. Однако Сэм Мэтью был не совсем моряком и уж точно не матросом. Он был сержантом элитного подразделения «US NAVY SEALs», что в точном переводе означает «морские котики ВМС США». Попросту говоря, Сэм являлся подводным диверсантом экстра-класса, регулярно выполнявшим задания ЦРУ. Трое суток назад его ночью выдернули из постели знойной любовницы-латиноамериканки, после чего он вместе с Купером совершил авиабросок через Атлантику, а потом на подводной лодке тайно добрался до «Далласа». И все это ради того, чтобы прокатиться на мусорной машине на окраину Севастополя.

– Отлично, сэр! Я готов!

Обсуждать приказы и задания «морских котиков» отучают еще на первом этапе нахождения в учебном центре. Но на этот раз Сэму Мэтью трудно было скрыть свой сарказм. Однако Купер ничего не заметил – достав спутниковый телефон, он на всякий случай отвернулся и по памяти набрал номер.

– Да! – вскоре послышалось в трубке на русском.

– Это Петр, – тоже на русском проговорил Купер. Язык вероятного противника он давным-давно освоил в Принстонском университете, а за годы работы в ЦРУ довел свои знания почти до совершенства. – Ты в порядке, Иван?

– Да, – без малейшего энтузиазма заверил Купера телефонный собеседник. – Я в порядке, если это можно так назвать...

Купер тут же поспешил его ободрить:

– Ваня, ждать осталось совсем немного! Мы уже при...ехали!

Несмотря на то что оба используемых телефона имели встроенные шифроблоки, Купер, по въевшейся в кровь привычке, старался не сболтнуть лишнего.

– Так! – мгновенно оживился его телефонный собеседник. – И когда?

– Я думаю, в ближайшие два часа. Как только уладятся все формальности, я перезвоню и скажу точно.

– Понял! Тогда жду! – бодро ответил телефонный собеседник Купера.

2

Замначальника отдела контрразведки ЧФ капитан первого ранга Плотников был в гражданском. Прежде чем прибыть на место встречи, Плотников изрядно покружил по севастопольским улицам, чтобы убедиться, что за ним нет «хвоста». Наконец темно-синяя «Ауди» остановилась в укромном переулке.

Полковник Управления по борьбе с терроризмом ФСБ РФ Логинов снимал на соседней улице квартиру под видом киевского бизнесмена. Это было самым удобным прикрытием, поскольку дело, по которому Логинов прибыл в Крым, в прямом и переносном смысле пахло. Пару месяцев назад Логинову при весьма сомнительной помощи бывшего агента контрразведки ЧФ и бывшего же крымского бандита Мони наконец удалось ликвидировать беглого предателя, экс-офицера ФСБ Кашеева.

Но зачистка получилась не совсем чистой – Кашеев после укуса Мониного бультерьера просто упал в вертикальную штольню, которую зачем-то во время войны пробурили в скальной породе балаклавского арсенала немцы. Глубина штольни была такой, что без специального снаряжения в нее нечего было и соваться. При этом Главная военная прокуратура, которая вела засекреченное дело Кашеева, требовала у ФСБ юридических оснований для его прекращения. А таким основанием, естественно, мог быть только труп Кашеева – опознанный, освидетельствованный медэкспертизой и вообще задокументированный в установленном законом порядке.

Вот ФСБ и пришлось разрабатывать специальную операцию. Из лучших спелеологов Урала организовали небольшую группу, которая и прибыла в Крым якобы для изучения местных пещер. Сегодня у спелеологов был тренировочный день. И именно сегодня, с подачи Плотникова, решили предпринять первую попытку спуска в злополучную штольню.

3

Севастопольская свалка, в отличие от свалок континентальных городов, на которых безраздельно властвуют вороны, давала пропитание также и огромному количеству морских птиц. Чайки и бакланы разнообразили здесь свой рацион, урезанный ежегодным скудением рыбных запасов. Морские птицы мирно уживались с сухопутными, а те и другие – с маргинальными элементами вроде бомжей, алкашей и охотников за металлами.

Вообще говоря, на свалке, в сравнении с Крымским полуостровом в целом, царил гармония. Там, за забором, татары никак не могли ужиться с русскими, левые с правыми, оранжевые с бело-голубыми, украинские ВМС с российским Черноморским флотом. А здесь, среди зловонных мусорных дюн, не было ни левых, ни правых, ни татар, ни русских, ни украинцев, ни военных, ни гражданских – все были равны. Если, конечно, соблюдали неписаный кодекс свалки.

От ворот к сектору непищевых отходов с наплечной сумкой проковылял высокий здоровый бомж. Несмотря на утреннее время, он был уже навеселе и в его сумке тихонько позвякивала не пустая, а полная посуда.

Поравнявшись с искореженным пожаром скелетом ларька, высокий бомж притормозил.

– Здорово, Десантура!

– Дай бог тебе всех благ, Лом!

– А ты чего не на работе? – кивнул в глубь свалки Лом. – Выходной себе устроил?

– Да нет, нога что-то разболелась, сил нет! Наверное, на погоду.

– Так, может, раздавишь со мной пузырь? А как я буду на мели, отдашь! Глядишь, ногу твою и отпустит.

– Да нет, Лом, храни тебя бог, но я с утра не пью. Только вечером, если холодно, для сугреву.

– Ну гляди, как знаешь, Десантура. А Катюху не видел, Беззубую?

– Нет, Лом...

В этот момент сбоку к Лому подошли двое еще довольно молодых парней, первый покрупнее, второй помельче, но оба крепкие и для бомжей выглядящие вполне прилично.

– Эй, Лом, можно тебя на минуту? – положил на плечо Лому руку первый парень.

– Чего? – развернулся Лом.

– Говорю, на минуту тебя можно? – рванул Лома за плечо парень.

Его спутник отступил в сторону и кивнул:

– Привет, Десантура!

– Привет! – донеслось из ларька.

– Ну? – с вызовом спросил Лом, бывший на голову выше более крупного из парней.

– Палки гну! – выдохнул тот и нанес довольно сильный правый боковой в голову.

Потрясенный ударом Лом отлетел назад и плюхнулся на ягодицы. В висящей на его руке сумке звякнула посуда.

– Ну чего ты, чего? – втянул голову в плечи Лом.

– Того! – снова ударил его кулаком в голову подскочивший парень. – Цветмет отложенный брал?

– Какой цветмет, какой цветмет?

– Такой, который ты через забор перекинул!

Тут парень нанес сидящему Лому удар ногой, но спутник тут же его ухватил сзади.

– Брал, я спрашиваю? Или не брал? – Вырвавшись и наклонившись, парень еще дважды ударил Лома кулаком.

– Все, все! Больше не буду! Я ж не знал, что это ваш! – прикрывая голову свободной рукой, завизжал Лом.

– Смотри! Это последний раз! – сплюнул на землю парень. – Порежем!

Лом, суча ногами по земле, начал отползать.

– Сумку оставь! – велел парень, делая шаг вперед.

– На, на! – поспешно высвободил руку Лом и, оставив сумку на земле, убежал.

Парень помельче поднял ее. Внутри оказалось две бутылки водки и кое-какая закуска, но одна из бутылок разбилась. Парень помельче выудил целую бутылку, которая оказалась надпитой, и спросил:

– Забираем?

– После этого козла? Отдай лучше Десантуре вон, чтоб добру не пропадать!

– Спасибо, ребята, храни вас бог, но я не пью, – донеслось из ларька. – Вы лучше девчонкам отдайте, Машке с Зинкой, они рады будут.

Парни переглянулись, потом тот, что покрупнее, двинулся к ларьку. Остановившись, он сказал:

– Слышь, Десантура, можно тебя на минуту?

4

– Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»! Пощады никто не желает! – доносилось от ворот Севастопольского торгового порта.

Над головами заблокировавших выезд протестантов виднелись плакаты – «Севастопольцы против НАТО», «НАТО, руки прочь от Крыма!», «Блок НАТО – агрессор и убийца».

– Освободите проезд! Иначе мы будем вынуждены применить силу! – крикнул милицкий мегафон, но конец ультиматума утонул в свисте, улюлюканье и криках протестантов.

– Проклятые коммунисты! – процедил сквозь зубы приникший к краю иллюминатора Купер.

Подавшись назад в кабину, он сунул в рот сигарету, прикурил и жадно затянулся. После чего отер платком влажный лоб. Система кондиционирования «Далласа» работала вполне исправно, так что взмок Купер вовсе не от духоты, а от осознания того, что горстка демонстрантов поставила под угрозу срыва его столь тщательно разработанный план.

Машина с мусорными контейнерами «Далласа» вот уже почти час не могла выехать из порта. Затянувшись дважды подряд, Купер перезвонил Сэму Мэтью, который под видом члена экипажа «Далласа» сопровождал контейнеры и сейчас находился в кабине мусоровоза вместе с местным водителем.

– Слушаю, сэр! – почти тотчас ответил Мэтью.

– Ну что там, Сэм? Они собираются что-нибудь делать, черт бы их побрал?

– Так точно, сэр! Местный шериф запросил подмогу и ожидает прибытия полицейских командос, хотя, чтобы разогнать этих ряженных старперов, вполне достаточно нескольких пар полицейских патрульных из какого-нибудь Нью-Джерси...

– И когда придут эти чертовы командос? – перебил Мэтью Купер.

– Не могу знать, сэр... О, кажется, они наконец появились... Точно, сэр, целых два автобуса!

Купер быстро подался к иллюминатору и, осторожно отодвинув занавеску, выглянул.

– Ну тогда все, Сэм! Работаем по плану!

– Понял, сэр!

Сунув в карман телефон, Купер украдкой наблюдал за выгрузкой прибывших спецназовцев. Это были бойцы спецподразделения «Беркут», прекрасно оснащенные и натасканные на борьбу с особо опасными преступниками. Прибыло их столько, что, наверное, вполне хватило бы на ликвидацию клана Гамбино – самого многочисленного мафиозного клана Нью-Йорка.

Выбравшийся из одного из джипов сопровождения командир «Беркута» в лихо заломленном краповом берете зычно прикрикивал на подчиненных. Те, выпрыгивая из автобусов, тут же выстраивались в боевой порядок. Не прошло и минуты, как дюжие молодцы, прикрывшись щитами и оцетинившись дубинками, со зловещим молчанием надвинулись на пикетчиков, в основном состоящих из ветеранов и пенсионеров.

– Что вы делаете, ребята, опомнитесь! Я за эту землю кровь проливал, а вы ее без боя врагу сдаете! – попытался увещевать спецназовцев старик в бескозырке и морской фланке с орденами. – Стойте! Стойте!

– Разойдись! – рявкнул милицкий мегафон.

В тот же миг на бескозырку с глухим стуком опустилась дубинка. Старик охнул и стал оседать, но кованый спецназовский берц тренированным ударом отбросил его прочь.

– Разойдись! – снова разнеслось над толпой.

С трудом поднявшийся на колени старик одной рукой держался за голову, а второй пытался дотянуться до упавшей на землю бескозырки с надписью «Краснознаменный Черноморский флот». Однако из надвинувшейся цепи снова вылетел берц и отбросил старика назад.

– Полицаи! Фашисты! Бандеровцы! – взорвалась криками толпа.

– Разойдись! – в третий раз рявкнул мегафон.

Две пожилые женщины едва выхватили старика из-под кованых берцев, которые уже втоптали в грязь бескозырку. Пикетчики пытались сопротивляться, но силы были слишком неравны.

– Ну, слава богу! Эти парни долго запрягают, но быстро ездят! – одобрительно пробормотал Купер и тут же вытащил спутниковый телефон.

5

Плотников затушил окурок в пепельнице «Ауди» и снова посмотрел на часы. Потом окинул взглядом переулок. Логинов опаздывал уже на пять минут. Такого за ним раньше не водилось, и Плотников быстро достал телефон. Торопливо набрав номер, он приложил мобильный к уху и нервно побарабанил пальцами по обтянутому кожей рулю.

– Да! – глухо ответил Логинов.

– Ты это... в порядке? – быстро спросил Плотников.

– Угу, – буркнул Логинов. – Сейчас буду... – И как-то странно закашлялся.

– Ты точно в порядке? – напрягся Плотников.

– Да точно, точно! – нервно проговорил Логинов и отключился.

– Не понял... – растерянно уставился Плотников на мобильный.

В этот момент Логинов наконец вынырнул в переулок, но почему-то с другой стороны. И Плотников, позабыв о телефоне, прикипел к нему взглядом. Все вроде бы было в порядке и... нет. Шел Логинов как-то странно. Тяжеловато для бывшего «альфовца».

Плотников на всякий случай оглянулся. Назад и по сторонам. Но ничего подозрительного не заметил. И все же Плотников тут же завел двигатель. На всякий случай. Он собирался стартовать, едва Логинов сядет.

Логинов приближался. В его походке не было легкости, и шел он как-то сторбившись. А лицо почему-то прятал в поднятый воротник куртки. И в какой-то миг капитан первого ранга Плотников вдруг понял, что это вовсе не Логинов. И в ту же секунду рывком воткнул заднюю передачу...

6

– Можно, конечно! – послышалось из ларька.

Вынырнув в проем, который когда-то был боковой дверью ларька, к парням вышел бомж, которого все называли Десантурой. Несмотря на кличку, он был довольно скромной комплекции и вовсе не смахивал ни на десантника, ни на бойца. Лет ему было далеко за сорок.

– Слышь, Десантура, – сказал парень покрупнее, – ты это, не хочешь к нам в бригаду? Нам такие люди нужны.

– Спасибо, ребята, храни вас бог! Только я ж с ногой маюсь. Зачем вам нахлебники? Вот малость подзаживет, чтоб я мог с ней нормально работать, тогда и приду проситься. Если возьмете, конечно.

– Возьмем, Десантура! – кивнул паренек помельче. – Мы к тебе давно присматриваемся. Ты нормальный мужик.

– Спасибо, ребята! Даст бог, нога моя побыстрее зарастет, я вас не подведу!

– Ладно, давай, Десантура, поправляйся, а нам работать надо! И это, если что, обращайся! А с Ломом лучше не водись! Гнилой он человек. За рубль исподтишка ножом пырнуть может.

– Да мне-то чего бояться, у меня и копейка-то не залеживается.

– Ну так ты это, если голодуха прижмет, ты, Десантура, приходи. Поможем!

– Спасибо, ребята! Пусть бог даст вам побольше цветмета!

Парни одновременно кивнули и направились прочь от ларька. Немного отойдя, тот, что покрупнее, сказал:

– Чудной он какой-то!

– Ты б с горящей церкви вниз сиганул, тоже б чудным стал.

– Все равно. За месяц, что он у нас, другой бы уже давно к какой-нибудь кодле прибился.

А этот все сам.

– Так он же церковный сторож. Привык с иконами разговаривать, вот ему никто и не нужен. Мне Зинка говорила, что он ей как-то по пьянке признался, что ждет, когда за ним поприедет. Вроде бы сгоревшую церковь какой-то бывший бандит, который теперь стал депутатом, пообещал отстроить. И сторожку при ней соорудить...

– Так не бывает. Никто никогда ни за кем на свалку не приезжал и никогда не приедет.

– А он знаешь, что Зинке сказал?

– Что?

– Что главное – верить. И тогда наступит день, когда за тобой обязательно приедут.

– Я ж говорю, чудной он какой-то, не от мира сего! Одно слово – церковный сторож...

7

На всякий случай, во избежание недоразумений, мусоровоз отправился сопровождать один из джипов «Беркута». Покрякивая сиреной, он прокладывал грузовику путь по запруженным севастопольским улицам.

Сидящий в кабине мусоровоза Сэм Мэтью удивленно поглядывал по сторонам. Его удивление было вызвано не столько количеством машин, сколько их дороговизной. Шикарные лимузины, которые в Штатах могли себе позволить только воротилы с Уолл-стрит да нефтяные магнаты, в Севастополе встречались едва ли не на каждом углу. За пять минут Сэм Мэтью повидал «Майбах», парочку «Бентли» и даже «Роллс-Ройс». Причем все – не какие-нибудь раритеты, а последних модельных рядов.

– В ваш город жить много миллионер? – наконец спросил Мэтью у водителя.

Все подводные диверсанты изучают иностранные языки, точнее, группы сходных языков. Когда-то давно Мэтью определили в качестве профилирующей восточнославянскую группу. Настоящим полиглотом он не стал, но зато мог с равным успехом торговаться на базаре в Польше или допросить «языка» в Черногории.

– Миллионеров? – покосился на иностранца водитель мусоровоза. – Не сказал бы. В Симферополе поболее будет. А у нас так, в основном шушера голопузая...

– А что есть шушера?

– А-а... ну... бедняки, в общем... вроде ваших негров...

– А, наркотики торговать, да?

– Не, пахать с утра до ночи за гроши. Как негры на плантациях!

Мэтью посмотрел на ловко юркнувшую в переулок совсем новую «Мазератти Кватро» и покачал головой:

– Хотеть бы я пахать на такой плантациях!

8

Плотников уже готов был умчаться с места встречи прочь, как вдруг приблизившийся Логинов, подняв голову, посмотрел прямо ему в глаза и печально улыбнулся. И готовая утопить педаль акселератора нога Плотникова в самый последний момент замерла. Логинов открыл дверцу, тяжело плюхнулся в пассажирское кресло и вздохнул. И Плотников тут же все понял – по запаху.

– Фу! – выдохнул он, трогаясь и поспешно опуская стекло на своей дверце. – Ты что пил, Логинов, тормозную жидкость?

– Водку, – осторожно покачал головой Виктор и дважды кашлянул. – Но много. – Сжав пальцами виски он уточнил: – Очень много, Плотников. А что, сильно заметно?

– За кабельтов! – покачал головой Плотников. – Ты сам, что ли, пил?

– С ума сошел? Я сам не пью. С Валентиной, – хрипло сообщил Логинов. – Ну с продавщицей, с которой я познакомился перед отъездом в Москву. Вчера у нее началась выходная неделя, ну мы и... отметили.

– Так, а она хоть живая? – почесал за ухом Плотников. – А то так можно и того... ласты завернуть от алкогольной интоксикации...

– Да она-то живая. И теплая, – все так же осторожно кивнул Логинов. И с завистью добавил: – Спит как сурок, у нее ж выходная неделя. А я еле дополз.

– Ну ты даешь, Логинов! – удивился Плотников.

– Это не я даю, это она дает, Валентина. Пятьдесят килограммов веса, а перепьет любого мужика.

– Ну так это у нее просто микрофлора такая в кишечнике, врожденная, которая алкоголь перерабатывает. Вон у чукчей ее почти нет, так те враз спиваются.

– Да, хорошо, однако, что я не чукча.

– Но похож, однако, шибко, – сочувственно покосился на Логинова Плотников. – Ну у Валентины твоей микрофлора, а ты-то чего пил с ней наравне? Надо было пропускать.

– Ага, с ней пропустишь... Я, говорит, тебя люблю, два месяца тебе была верная, а ты со мной даже выпить не хочешь, значит, изменял.

– Железная логика. Так, может, отвезти тебя домой, а, Вить? А то на тебя больно смотреть. Сердце кровью обливается.

– Перетерпишь, – покачал головой Логинов.

– Так, может, тогда тормознуть на остановке, хоть прихватишь в ларьке банку пивка?

– С утра, Плотников, и лошадь не пьет. Тем более у нас сегодня операция. Вот достанем мощи Кашеева, перевезем на базу, тогда можно будет и отметить это дело.

– Во! Точно! А заодно я тебя с соседкой познакомлю, той самой, она как раз почти непьющая! А то эта продавщица, Логинов, тебя до конца своей выходной недели в гроб загонит!

– Не загонит. Я, Плотников, стойкий оловянный солдатик. Ты только подскочи по-быстрому к какой-нибудь аптеке, а потом вплотную займемся операцией. Твои наблюдатели уже выехали в Балаклаву?

9

Позади сожженного ларька вдруг раздались шаги. Бомж, которого все называли Десантурой, повернул голову и прислушался. Под ногами зашуршал осыпающийся с горы мусор, и из-за сохранившейся задней стенки ларька вынырнул Лом. Оглянувшись по сторонам, он перевел взгляд на Десантуру.

- Ты чего с ними разговаривал, а?
- В бригаду к себе приглашали, – сказал Десантура.
- А про меня говорили? – зло спросил Лом.
- Нет.
- Гонишь! А ну иди сюда!
- Лом, у меня нога ноет, мне бы полежать...
- Слышь ты, – шагнул в ларек Лом, – а ну встал, быстро!
- Шел бы ты с богом, Лом, а?
- Поделишься, уйду!
- Чем, Лом?
- Телефоном! Я из-за кучи видел, как ты его только что доставал и проверял.
- Тебе показалось, Лом. Иди своей дорогой...
- Лом еще раз оглянулся и вдруг выхватил из кармана нож.
- Не хочешь делиться, я сам заберу! Давай, ну!
- Сидящий под стенкой Десантура прикипел взглядом к ножу.
- Хорошо, Лом! Только отойди, чтоб я мог встать...
- Давай, я сказал! – шагнул вперед Лом и наклонился.

Левой рукой он собирался ухватить Десантуру за грудки, а правой приставить к его горлу нож. Однако церковный сторож вдруг проявил весьма недюжинную прыть. Обхватив подъемом одной ноги пятку Лома, подошвой второй ноги Десантура нанес молниеносный удар в коленную чашечку противника.

Хруст костей сопровождался воплем рухнувшего назад Лома. В мгновение ока Десантура оказался на опрокинутом противнике. Нож тот выронил при падении. Захватив болевым приемом руку Лома, Десантура перевернул его лицом вниз и выполнил удушающее действие предплечьем. Однако додушивать противника он не стал, а коротким движением сломал ему шейные позвонки.

Быстро оглянувшись, Десантура вскочил на ноги и выглянул из ларька. Только убедившись, что никто не стал свидетелем случившегося, он скривился и потер предплечье левой руки. Когда боль в ней утихла, Десантура выволок труп Лома из ларька и оттащил на несколько метров. Бросив его между мусорных куч, он торопливо прикидал тело мусором.

После этого Десантура вытащил дешевые сигареты и закурил. А потом в кармане у него забился телефон. Тот самый, который на свою беду заметил Лом. Это был спутниковый телефон. И стоил он не меньше, чем подержанная иномарка...

10

Мусоровоз, прыгая по разбитой дороге, приближался к воротам свалки. Впереди прыгал джип «Беркута». В кабине мусоровоза установилась непринужденная дружеская атмосфера. Сэм Мэтью успел презентовать водителю Михе пачку солдатского «Кэмела» без фильтра. Михе презентовать американцу было нечего, и он компенсировал это болтовней.

– Чуешь, как пахнет, – втянул носом воздух Михе, – может, Сэм, тебе это, респиратор дать? Заместо противогаза?

– Спасибо, Михе, я есть из бедный семья, детство жить возле свалка Нью-Джерси. Так что я к такой запах привыкать.

Михе покосился на Сэма с уважением.

– Я тоже из небогатой семьи. Папаша слесарем в ЖЭКе тарабанил, мать медсестрой была. Денег получали мало, но квартиру папаше от ЖЭКа дали почти в центре. Тогда квартиры еще государство выделяло, бесплатно. Это счас на нее за всю жизнь не заработаешь! А у вас как насчет жилплощади? Тоже туго?

Сэма Мэтью квартирный вопрос в данный момент интересовал меньше всего. Его беспокоило присутствие бойцов «Беркута». Выполнить задание при них было практически нереально.

– Так есть же банки. Нужен квартира, я иди в банк и брать кредит.

– Ага! Там же одни бандиты засели! И денег своих не увидишь, и квартиру заберут!

– Как в банк бандиты?

– Как-как? Обычно. Деньги-то у кого были? Только у них, у бандитов, вот они банки и организовывали...

В этот момент джип «Беркута» приблизился к воротам свалки. Однако служивые, видно, решили, что колесить за мусоровозом по территории будет чересчур, и, миновав въезд, остановились.

Сэм Мэтью ничем не выдал своего облегчения, просто достал телефон и сообщил Михе:

– Я докладывать сержант о благополучный прибытие.

Михе понимающе кивнул:

– Давай-давай, Сэм, службу надоть исполнять...

11

Откинувшись на подголовник с закрытыми глазами, Логинов прижимал ко лбу запотевшую пластиковую бутылку с минеральной водой. Плотников вел «Ауди», параллельно общаясь по мобильному со своими подчиненными, выехавшими на разведку в Балаклаву. Наконец, отключив телефон, он повернул голову и сочувственно спросил:

– Ну что, помогает? Знал бы, я б тебе из дому рассолу прихватил...

– Не умничай, Плотников! – не меняя позы, перебил Логинов. – Лучше докладывай, как там в Балаклаве обстановка.

– Обстановка в Балаклаве торжественная и приподнятая. Нарядно-вымытые мальчишки-девочки, а также их родители и родители родителей, взявшись за руки, дружно вышагивают...

Логинов, открыв один глаз, покосился на Плотникова:

– Я же тебя попросил не умничать. Строго по делу.

– Так я тебе и докладываю по делу! Почти все местное население выдвигается к школам! В районе объекта никакой подозрительной активности не обнаружено!

– Только не ори, ладно? – попросил Логинов. – А что с местной милицией? В смысле, у них сегодня усиленный вариант несения службы?

– Усиленный только в Севастополе. Но не в связи с первым сентября, а в связи с заходом «Далласа». На случай массовых волнений...

– Какого еще Далласа?

– Корабля береговой охраны ВМС США.

– Американского? Не понял, а эти козлы что тут делают?

– Их козел Ющенко пригласил.

– А-а, теперь понял, – отнял Логинов бутылку ото лба и открыл оба глаза. – Ну тогда будем диггерам звонить...

12

Дежурному на воротах свалки водитель мусоровоза вручил специальный талон. Тот буркнул название сектора и поднял шлагбаум. Мусоровоз въехал на территорию и отправился хорошо знакомой Михе дорогой среди мусорных дюн.

Пару минут спустя Миха притормозил и, лихо развернувшись, сдал задом.

– Приехали! – сообщил он, вынимая из-под сиденья пару рабочих рукавиц. – Ты, Сэм, сиди, чтоб вонь не нюхать, я и сам управлюсь!

Однако Сэм тут же выудил из кармана матросской робы свою пару перчаток и потянулся к дверце.

– Нет, нет! Я помогать! Сержант за контейнер меня гноить!

– У меня старшина такой же был! – понимающе кивнул Миха.

Сэм и водитель одновременно выпрыгнули из кабины с разных сторон. Мэтью мгновенно оценил обстановку. Все вроде бы было спокойно. И Сэм, поспешно натянув свои новенькие рабочие перчатки, двинулся к задней части мусоровоза, где взобрался наверх, к контейнерам. Миха прошел мимо и встал у рычагов гидравлического подъемника.

– Поберегись, Сэм! – предупредительно крикнул он, прежде чем приступить к манипуляциям.

Сэм Мэтью ответил:

– Давай, Миха!

Цеплял контейнеры Миха сам, так что Сэму оставалось только контролировать процесс. Как бы. На самом деле Сэм незаметно оглядывался по сторонам и наконец увидел совсем рядом, со стороны водительской дверцы, мужчину, одетого в лохмотья бродяги.

Под прикрытием рева двигателя и гидронасоса тот подобрался к машине совсем незаметно. Это поразило даже Сэма Мэтью, съевшего собаку в скрытном передвижении по местности. И у сержанта сразу отлегло от сердца. Бродяга явно имел специальную подготовку рейнджера. И это здорово облегчало дело.

Сэм обменялся с бродягой коротким взглядом, после чего как бы невзначай коснулся рукой запора ближнего контейнера. Бомж кивнул.

– Поберегись! – донеслось от пульта управления гидравликой.

– Я вижу, Миха! Давай! – успокоил водителя Сэм.

Опорожненный контейнер с глухим стуком опустился в ячейку. После короткого спуска захваты автоматически отсоединились. Сэм чуть посторонился, пропуская траверзу, и крикнул, когда захваты зацепили второй контейнер:

– Порядок, Миха!

Подцепленный контейнер, слегка покачиваясь, поплыл к задней части мусоровоза. Сэм шагнул к опорожненному контейнеру и, приподняв крышку, заглянул внутрь. Это не ускользнуло от Михи.

– Что, Сэм? – крикнул он.

– Просто проверить! А то сержант меня гноить!

Опустив крышку, Сэм не стал ее закрывать. Оглянувшись, он снова на миг встретился взглядом с бродягой. Бродяга, пристально наблюдавший за манипуляциями Сэма, тут же кивнул. Тогда Сэм указал рукой вниз. И бродяга, все поняв, тут же кивнул снова.

13

Бригада спелеологов, выписанная ФСБ с Урала, в дополнительной маскировке не нуждалась. Трое ребят от тридцати до тридцати пяти лет носили экстравагантные прически, у двоих в ушах были серьги, у третьего – борода с косичкой, татуировки имелись у всех троих. Называть их следовало не спелеологами, а диггерами, персонально – Маком, Филом и Трэшем. В остальном это были вполне нормальные ребята с высшим образованием и интеллектом намного выше среднего.

Логинов и Плотников провели их к вентиляционной шахте и помогли спустить вниз тяжелые рюкзаки. Пару минут спустя они были уже в подземном каземате, вырубленном в толще скалы.

– Ну, – спросил Мак, поведя лучом фонаря по сторонам. – Где штольня-то?

– А вон она! – присветил своим фонарем Логинов.

Мак легко сбросил с плеча рюкзак, поставил его под стенку и наклонился над круглой дырой в каменном полу. Направив вниз фонарик, он присвистнул и оглянулся на подошедших товарищей:

– Нехилая пещерка!

– Годится? – спросил Логинов.

– Годится!

– Я рад, что вам понравилось, парни. Как говорил Никита Сергеевич Хрущев, задачи поставлены, средства розданы, так что за работу, товарищи, за работу! Приступайте, а я пока, с вашего позволения, передохну!

Логинов, присев, начал поудобнее пристраиваться под стенкой, Плотников шагнул к нему.

– А ты давай наверх! – кивнул в сторону каменной лестницы Логинов. – Бди! Мало ли что!

Плотников сделал скептическое лицо, но все же отправился к вытесанным из камня ступеням. В каземате никакой связи, ясное дело, не было. Поэтому для того, чтобы поддерживать связь с наблюдателями, нужно было находиться в каменной нише непосредственно под вентиляционной шахтой.

Мак, бывший у диггеров за старшего, тем временем кивнул Трэшу:

– Анализатор давай! В темпе!

Фил поправил на голове бандану и оглянулся на Логинова:

– А куда эта штольня ведет? Вообще?

– Прямо к центру Земли, – буркнул Логинов, сунув в рот сигарету. – Куда ж еще, парни?

14

Последний контейнер с «Далласа» вынырнул из ячейки и поплыл к мусорной куче. В этот самый момент бродяга юркнул к мусоровозу и скрылся под его днищем. Сэм Мэтью облегченно вздохнул.

После разгрузки водителю предстояло обойти свою машину и взобраться в кабину. Этого времени было вполне достаточно, чтобы бродяга вынырнул с другой стороны машины и, находясь в мертвой зоне, незаметно забрался в контейнер.

Все шло просто отлично, но в этот момент из-за кучи мусора вдруг показались две женщины. То есть женщинами эти создания были когда-то давно, в прежней жизни. Нынешняя превратила их в ходячие чучела.

– О! – повернул голову водитель. – Королевы мусорки к нам пожаловали! Тебе повезло, Сэм! Зинка и Машка собственными персонами! Первые модницы здесь!

– Заткнись, урод! – писклявым голосом парировала невысокая бомжиха, одетая в весьма неплохой фирменный спортивный костюм. – Шмотки какие-нибудь привез? Фирма есть?

– Товар первосортный, это я гарантирую! Прямо с американского борта! А насчет шмоток это ты вон у экспедитора уточни! – кивнул вверх Миха.

– Че за клоун? – спросила вторая бомжиха, повыше и худая. – Малахольный, что так вырядился?

– Попридержи язык, дурья твоя башка! Это Сэм, американской гвардии матрос!

– Бреешь, собака? – по-свойски спросила худая. – Аль правда америкос?

– Да нас вон от самого порта «беркуты» сопровождали, счас на воротах торчать! Будете выражаться, свистну, враз примчатся на джипе и палками вас отходят так, что до Нового году на свои мослы не сядете, дурехи!

Бомжихи приосанились, а худая даже подула на свою поникшую, сто лет не мытую челку.

– Это мы удачно попали, слышь, Машка! Стань на стреме и никого не подпускай! Мы эту кучу забили! А если че, сразу по башке! А матросик-то ниче, нам бы такого кавалеру! Гы-гы!

Миха, высыпавший мусор из последнего контейнера, оглянулся:

– Ваши кавалеры все тута бродють, а Сэм птица другого полету! Ему токо свистнуть на набережной, все бабы его!

– Усохни, плесень! Мы че, обхождения культурного не знаем? Господин матрос, а господин матрос! А вы к нам надолго?

– Сейчас уезжает! – буркнул Миха. – Вот контейнер на место поставлю и усе! Снимаемся с якоря!

За исключением некоторых жаргонных словечек, Сэм Мэтью все понял. Бомжихи собирались стоять здесь насмерть, чтобы никого не подпустить к куче мусора с американского корабля. И это была настоящая катастрофа...

15

– Почти сто метров, – проговорил Мак, когда опущенный вниз газоанализатор коснулся дна штольни. – Чем же фашисты ее бурили? Тут же для установки места нет... А?

Мак оглянулся на Логинова, тот пожал плечами:

– Не знаю, парни. Это вопрос к инженерному управлению, а я по другому ведомству прохожу.

Подъем газоанализатора занял больше трех минут. Когда прибор оказался наверху, Мак посмотрел на показания и поцокал языком.

– А по-русски? – отозвался из-под стенки Логинов. – Взрывоопасно?

– Да нет. Кислород на дне практически отсутствует. А без кислорода ничего не взрывается. Странное, однако, местечко. Вот бы тут по-настоящему пошариться...

– Я вам пошарюсь! – поднялся на ноги Виктор. – Подъем выполните – и вперед, то есть назад, к Ай-Петри! Там, в окрестностях, шарьтесь хоть до Нового года! За свой только счет!

– Ладно-ладно! – кивнул Мак. – Готовимся к спуску, чуваки...

– А что поднять-то нужно? – спросил Трэш, расстегивая молнию на огромном рюкзаке. – Или это точно неизвестно?

– Уже известно, – сказал Логинов, поскольку дальше играть в конспирацию не имело смысла. – Мумию!

– Чего-чего? – даже замер от удивления Трэш.

– Какую мумию? – недоверчиво посмотрел на Логинова Мак.

– Ну не египетскую же! Обычную. Нашу. Тут пару месяцев назад один турист российский заблудился. Носитель государственной тайны. Ну и спикировал туда случайно. Мы думали, от него уже рожки да ножки остались, но раз там нет кислорода, он должен выглядеть как огурчик. В общем, парни, надо упаковать его вот в этот саркофаг, – ткнул Логинов ногой в скрученный специальный пакет на молнии для перевозки трупов, – и аккуратненько поднять для дальнейшей идентификации. А то в оборонном КБ, в котором он работал, такие секретные образцы оружия разрабатывались, что даже мне не сказали какие...

16

– Мой корабль здесь с дружественный визит! – сказал Сэм Мэтью. – Я из Нью-Джерси. А вас как зовут?

Он с кошачьей ловкостью перебрался на другую сторону мусоровоза и спрыгнул на землю.

– Зинаида! – изобразила жалкое подобие книксена худая. – Вадимовна!

– Очень приятно! – кивнул Сэм. – Это есть скромный презент в знак дружба!

– Ой, пасиба!

Зинка ловко цапнула протянутую Сэмом пачку жевательной резинки. Впрочем, упаковка выглядела как-то неказисто, и бомжиха на всякий случай спросила:

– А ее того, потреть можно?

– Конечно! Это есть оригинал «ригли сперминт»! – заверил Сэм.

– Да?

Зинка немедленно сунула грязный палец в упаковку и извлекла пластинку жевательной резинки. Миха, продолжавший управлять гидроподъемником, неодобрительно оглянулся. Впрочем, Сэм на него не смотрел. Он соображал, как присутствующих собрать в одном месте и отвлечь.

Зинка тем временем освободила жвачку от обертки и сунула в рот. Сэм довольно кивнул. Под его взглядом Зинка из культурности не стала мусорить и сунула скомканную обертку в карман.

– О, вкусно! – расцвела она беззубой улыбкой. – Так, может, господин матрос, выпьем за встречу? У меня тут есть заначка!

Из внутреннего кармана Зинка с готовностью извлекла початую бутылку паленой водки, совсем недавно лежавшую в сумке Лома. Опустивший контейнер в ячейку Миха оглянулся:

– Да спрячь ты свое пойло! Сэм только виски с содовой употребляет! Да джин с тоником!

– О нет! Русский водка я тоже употребляет! Но не на служба!

– Жалко! – шмыгнула носом Зинка.

Она была искренне огорчена. Таких галантных кавалеров, как Сэм, ей приходилось видеть нечасто. Точнее, совсем не приходилось.

– Жалко у пчелки, пчелка на елке! – вставил свои пять копеек Миха и начал стаскивать рукавицы. – Все, Сэм, порядок! Поехали!

– Сперва я должен запечатлить свою встреч с эта замечательный женщин! – выдал почти шекспировский текст Сэм. – И отослать фото по электронный почта моей мамми в Нью-Джерси! Я ей посылать свое фото со всего мир – Австралия, Испания, Ливерпуль! Я могу просить ваш подруг также присоединиться к нам, чтобы обрадовать мой дорогой мамми в Нью-Джерси?

– Ясный перец... то есть, конечно, Сэм! Машка, Машка! Вали сюда, господин матрос желает с нами сфоткаться!

Машку, стоящую чуть поодаль на посту с железкой, дважды приглашать не пришлось. Она и так не столько бдила, сколько через плечо с завистью таращилась на свою подругу. Несколько секунд спустя Машка уже была тут как тут.

– Это моя метелка... то есть подруга Мария!

– Сэм! Очень приятно! – без намека на брезгливость протянул руку Мэтью.

По ходу обучения «морских котиков» заставляют даже есть живьем мелких грызунов. Так что изобразить живую радость от рукопожатия с бомжихой для Сэма было сущим пустяком.

– Мне тоже очень-очень приятно! – заверила американца Машка.

Тот сунул руку в карман. Там лежала зажигалка «Зиппо», но ее Мэтью решил приберечь. Вместо зажигалки он извлек едва початую пачку «Кэмела».

– Это есть презент!

– Ой, спасибо! – расцвела Машка.

– Нашел кому дарить, – пробубнил Миха. – На набережной у нас такие крали...

Впрочем, Сэм не обращал на бурчание водителя никакого внимания.

– О! – радостно вскрикнул он, оглянувшись по сторонам. – Миха, ты разрешать сфотографироваться нам на фоне твой автомобиль?

– Да чего уж там, раз такое дело, – пожал плечами водитель.

– Тогда я просить тебя сфотографировать нас! Мария, Зинаид, идти со мной! А ты, Миха, пожалуйста, держать вот так и, когда мы сказать «Чиз!», нажать вот так!

17

– Еще чуть-чуть смайнай, Трэш! – слышалось в рации.

Голос Мака звучал глухо и странно, как будто из преисподней. Объяснялось это не столько глубиной штольни, сколько тем, что спуск диггер совершал в изолирующем дыхательном аппарате и микрофон рации был укреплен на его шее.

Трэш нажал педаль на компактной лебедке, установленной поперек темного зева штольни. Барабан неслышно провернулся на несколько оборотов.

– Стоп! – снова отозвалась рация. – Стопори! Дальше я сам!

Тонкий конец едва заметно задергался, потом вдруг ослаб и замер. Несколько секунд ничего не происходило, потом Мак сообщил:

– Я на дне! Мусора по колено, но никаких мумий тут нет. И близко. Как поняли?

Трэш повернулся к Виктору. Тот поспешно сдернул с его воротника микрофон рации.

– Как нет? Как нет?! Он должен быть там!

– Говорю вам, тут никого нет. Сто процентов. А вы штольню, случайно, не перепутали?

– Что?!

– Говорю, вы штольню, случайно, не перепутали? Может, он, оборонщик этот, свалился в какую другую?

– Да нету тут никаких других штолен! Стоп! А куртка там кожаная и брюки есть? Такие байкерские, с заклепками? И дыхательный аппарат?

– Нет! – после небольшой паузы ответил Мак. – Только тельняшка, рваная. Он не в тельняшке, случайно, был, когда упал?

– Нет! Тельняшка точно не его! Ты хорошо там посмотрел? Везде?

– Да!

– Тогда посмотри еще раз. Лучше!

– Да нету тут... – начал было Мак и вдруг умолк.

– Что? – тут же спросил Логинов.

– Так он, говорите, в кожаной куртке был?

– Да! А что?

– Да просто там наверху, метрах в десяти от пола, на арматуре кусок кожи висит. Я еще удивился, когда спускался...

– Так что ж ты молчал, твою мать?!

– А вы что, говорили мне насчет кожи перед спуском?..

18

- Ну чего, шелкать? – спросил Миха, держа перед собой мобильный Сэма.
- Да подожди ты, щас! – крикнула Зинка, поправлявшая свою челку. – Тьфу ты, зараза!
- Еще один момент, пожалуйста, Миха! – улыбнулся Сэм.

Он стоял перед кабиной мусоровоза в центре. Справа фотокомпозицию оживляла Машка с железкой в руке. Слева Зинаида боролась с челкой. Сэм в окружении этих дам просто светился от счастья, как будто фотографировался с принцессами.

- Встала, зараза! – констатировала Зинка. – Давай быстрее, а то ща упадет!
- Шелкать?
- Сейчас! – приосанился Сэм. – Четыре-три!
- Чи-и-из! – хором протянула троица.

Миха нажал на спуск, блеснула вспышка.

- Кажись, порядок! – проговорил водитель, глядя на дисплей.
- А ну, а ну! – налетела на него Зинка.
- Да не лезь ты своими лапами! – отмахнулся водитель. – Держи, Сэм!

Сэм Мэтью, незаметно оглянувшись, принял мобильный из рук Михи и, увеличив фото, продемонстрировал его дамам.

- Мамми в Нью-Джерси будет счастлива, когда получит это фото, – сказал он.
- Фух, стоит, зараза! – облегченно вздохнула Зинка, заглянув на снимок.
- А я не очень получилась, – пискнула Машка. – Может, еще разок, Сэм, а?
- Да нет, все отлично! Я распечатать этот снимок сегодня же и повесить на стенка мой кубрик!

- Так что, поехали? – облегченно проговорил Миха, живчиком направляясь к кабине.

– Да! Пора! – кивнул Сэм, пряча мобильный. – Я вынужден сказать вам до свидания, май быютифул леди!

- Пока, Сэмчик!
- Если отпустят в увольнение, приезжай! Мы тебе такую встречу устроим!
- Ага, тайский массаж, Сэмчик! Не пожалеешь!
- Я тронут! Спасибо! Спасибо! – пожав пахнущим и чуть не плачущим дамам руки, Сэм Мэтью запрыгнул на подножку и бросил свое тренированное тело в кабину мусоровоза.

- Летс гоу, Миха! – весело крикнул он.

Мусоровоз, взревев мощным дизелем, рванулся вперед. Из сизо-голубого клуба дыма, расплывающегося сзади мыльным пузырем, несло:

- Пока, Сэмчик! Передавай привет маме!
- Пока! Ты, если что, приезжай!
- Размечтались, шмары! – покачал головой Миха, глядя в боковое зеркало. – А вы сколько у нас простои́те, Сэм, а? Ты не подумай ничего такого, если это секрет, я просто к тому, что если на вечер останетесь и тебе дадут увольнительную, то мы могли бы где-нибудь посидеть!

- А что есть посидеть?
- Ну, в смысле, выпить, пообщаться! Чисто по-дружески!
- А-а! Я был бы рад, но к вечеру мы, Миха, уже быть в море!
- А может, еще что-то поменяется?
- Уже не поменяется, Миха! – воскликнул Сэм, доставая спутниковый телефон.

19

Ослабевший конец задергался, в рации послышался голос Мака:

– Нет там его.

– Точно?

– Точно.

– А куда же он тогда делся?

– Наверх выбрался, конечно. Там к верхнему наклонному отводу штольни есть подъем.

Ну а из отвода он мог и в грот попасть, и сюда, в каземат. В общем, повезло нашей оборонке. Живой ваш носитель. Сто процентов. Слышите?

– Слышу... – протянул Логинов микрофон рации Трэшу.

Отвернувшись, он автоматически сунул в рот сигарету и сделал несколько шагов от штольни. Потом поднял голову и заорал:

– Плотников! Плотников!

Несколько секунд спустя из ниши, предназначенной для вентиляционной установки, выткнулся Плотников.

– Уже подняли? – спросил он. – Быстро, однако!

– Спускайся, – тусклым голосом сказал Виктор и наконец прикурил.

По его тону Плотников понял, что что-то не так, и быстро сбежал по каменным ступеням. При его приближении Логинов выпустил в сторону струю дыма и негромко, чтобы не могли слышать спелеологи, сообщил:

– Кашеев выжил!

– Смеешься? – посмотрел через плечо Логинова в сторону штольни Плотников. – Как он мог там выжить?

– Очень просто. Там, метрах в десяти, внизу была решетка, гнилая. Он на нее налетел. Остатки решетки обвалились, но сам Кашеев зацепился за торчащую из стенки арматуру своей кожаной курткой. А как раз над этой чертовой решеткой есть еще один боковой отвод! Связанный с верхним, который выходит в грот...

– Твою мать! – только и смог выговорить Плотников.

20

Мусоровоз без помех въехал в ворота порта. Джип сопровождения вильнул в сторону и остановился. Чарльз Купер следил взглядом за мусоровозом, пока тот не остановился у кормы «Далласа». Из кабины выпрыгнул Сэм и свистнул, чтобы привлечь внимание вахтенного.

После этого Сэм взобрался к контейнерам и стал ожидать. Он был отличным помощником. Попытайся кто-нибудь сунуться к контейнерам, Сэм нашел бы способ, как этого не допустить. И Купер почувствовал, как напряжение понемногу отпускает его.

На «Далласе» находились представители командования украинских ВМС. Торжественная часть с построением на палубе уже закончилась, и сейчас капитан Хьюз угощал офицеров в кают-компании.

Толпившиеся с утра у ворот порта телевизионщики уже разъехались, так что подъем мусорных контейнеров на борт «Далласа» не привлек чьего-либо внимания. К голове Сэма Мэтью опустилась траверза лебедки, и минуту спустя первый контейнер уже взмыл в воздух.

Заместитель начальника оперативного управления ЦРУ Чарльз Купер проводил его взглядом. Когда контейнер скрылся из вида, Купер вздохнул и наглухо закрыл штормовым колпаком иллюминатор.

21

– Это еще мягко сказано, – кивнул Виктор. – Я сейчас еще спущусь сам, посмотрю, что там, но...

– Куда ты спустишься с такого бодуна? Давай лучше я! – подался к штольне Плотников, но Логинов его остановил:

– Успокойся! Похмелье мое как рукой сняло. Тем более что с начальством объясняться мне. Так что дуй на пост и постарайся получить удовольствие. Если что, я тебя позову. Понял?

– Понял, – кивнул Плотников и с опущенной головой направился к лестнице. Потом вдруг остановился и негромко спросил: – А с представлениями нашими что? Отзовут теперь?

– Самое смешное, – мрачно сказал Логинов, – что указ о награждении нас орденами за ликвидацию Кашеева уже подписан. Блин, я как представляю, что теперь будет, так жить не хочется...

– Ничего, Логинов, прорвемся! Не расстреляют же нас! В самом крайнем случае – разжалуют. Меня в мичманы, тебя в прапорщики.

– А в матросы не хотел?

– Да хоть и в матросы! Плохо, что ли? Вахту оттарабанил, матчасть провернул, согласно расписанию, и все дела! Хочешь – на боковую, хочешь – в самоволку. И голова не болит ни о чем....

22

Дверь открылась без стука, Сэм отступил в сторону и пропустил в каюту с ног до головы завернутого в прорезиненный вахтенный плащ человека. Нырнув вслед за ним, Сэм прикрыл дверь и негромко доложил:

– Мы прибыли, сэр!

– Вас никто не видел? – спросил Купер.

– Никак нет, сэр! Мы строго придерживались маршрута, согласованного с капитаном Хьюзом!

– Ну что же, отлично! – шагнул к двери Купер и произнес по-русски: – Теперь вы в полной безопасности, Иван! Поздравляю!

– Спасибо, Петр! – сказал, распахнув плащ, человек в лохмотьях бродяги.

Пахло от него так, что Купер немедленно почувствовал позыв к рвоте и невольно сглотнул.

Глаза же бродяги светились, и на его заросшем лице играла счастливая улыбка.

– Сейчас вы сможете привести себя в порядок, – поспешно повернулся к двери санузла Купер. – Все с себя сбросите в мешок, Сэм его утилизирует.

Бродяга кивнул, но тут же спросил:

– Телефон, который мне передал ваш человек, тоже бросить в мешок?

– О, нет, конечно! – спохватился Купер. – Телефон отдайте Сэму сейчас. Его он дезинфицирует.

Бродяга извлек из своих лохмотьев спутниковый телефон и протянул Сэму. После чего направился в санузел.

– Там вы найдете все необходимое! – сказал ему вслед Купер. – И не стесняйтесь – если что-то понадобится, скажете!

– Спасибо! – кивнул бродяга, оглянувшись через плечо.

23

Микроавтобус с диггерами скрылся за скалой. Плотников перезвонил своим людям и велел сниматься. Потом тронул «Ауди» с места и покосился на курившего Виктора:

– Ты когда докладываться собираешься?

– Сейчас, – поглядел на кончик сигареты Логинов. – Докурю и доложусь, Плотников. А ты куда спешишь, офицерские погоны жмут?

– Да я как-то все больше по гражданке, – пожал плечами Плотников. – Даже от формы отвык.

– Ничего, станешь матросом, привыкнешь, – мрачно пошутил Логинов.

Докурив сигарету, он щелчком выбросил окурочек на обочину, опустил стекло и энергично потер ладонями лицо.

– Ну что, Плотников, я созрел! – Решительно вытащив служебный телефон, Виктор набрал номер замдиректора ФСБ, лично курировавшего операцию, и, как только тот ответил, четко доложил: – Операция закончена, товарищ генерал! Мы уже возвращаемся из Балаклавы!

– Ну что же, отлично, полковник...

– Прошу прощения, что перебиваю, но все обстоит как раз наоборот, товарищ генерал! В штольне труп не оказался!

– Не понял. А где же он?

– Боюсь, что нигде, товарищ генерал! Кашеев жив...

– Что?!

– Кашеев жив, товарищ генерал, – повторил Виктор. – Он упал на решетку и смог выбраться из штольни.

– На какую еще решетку, полковник?! Вы же доложили мне, что Кашеев на дне штольни! А я доложил директору! А директор доложил... сами понимаете кому! Указ уже подписан, черт бы вас побрал!..

Замдиректора продолжил бушевать в трубке, Логинов слегка отодвинул ее от уха, выудил из пачки и сунул в рот сигарету и той же рукой прикурил. Когда две-три минуты спустя замдиректора слегка успокоился, Виктор торопливо ткнул сигарету в пепельницу и подробно доложил о своем спуске в штольню и обнаруженных следах. Напоследок он сказал:

– В общем, выбраться он выбрался, но поломаться должен был сильно...

– Вы же не обнаружили следов крови, так что все это опять только ваши предположения... Но негласную проверку всех местных лечебных учреждений надо организовать немедленно! Слышите, полковник?

– Так точно, товарищ генерал!

– Подключайте этого второго орденосца, как его, Рыбников?

– Плотников, товарищ генерал!

– Тем более! Пусть поднимает на ноги всю свою агентуру, и вперед!

– Мы как раз сейчас собрались этим заняться, товарищ генерал! Думаю, за сегодня-завтра управимся!

– Да что толку, что вы управитесь? Время-то прошло уже почти два месяца, – вздохнул генерал. – Даже если он лежал в травматологии, то уже выписался давным-давно. Но все равно попытайтесь напасть на его след, иначе... для вас обоих это закончится плачевно! Черт, я даже не знаю, что докладывать директору! Это же... черт знает что!

– Мы сделаем все, что в наших силах, товарищ генерал!

– Вы уже сделали, полковник! Такое сделали... Ладно, работайте! Жду доклада! – сказал замдиректора и отключился.

– Ф-фух! – вздохнул Логинов и посмотрел на Плотникова. – Все слышал?

– В общих чертах. Я думал, будет хуже.

– Конечно, будет, Плотников. Только позже. Когда информация дойдет до первых лиц. Единственное, что может нас спасти, это если мы подсуетимся и к тому времени по новой слепим Кашеева.

– Не слепим, – заявил Плотников. – Он не для того из этой чертовой штольни с переломами выползал, чтобы дожидаться, пока мы его опять слепим.

– Я тоже так думаю, – кивнул Виктор. – Тогда нам надо успеть хотя бы напасть на его след... Ферштейн, товарищ будущий матрос?

– Ез, оф кос, товарищ будущий рядовой.

– Ну тогда жми на газ! Займешься больницами, а я, чтобы не путаться у тебя под ногами, с ходу мотнусь в Симферополь...

– Хочешь подключить Моню?

– Не подключить, а поставить на уши! Это ж из-за него, дуrolома, Кашеев ускользнул...

24

Санузел в офицерской каюте «Далласа» был так себе, на три с плюсом. Слева – металлический унитаз с металлической крышкой, прямо перед дверью – металлический умывальник, справа – душевая кабинка, вернее, просто поддон со шторой.

Однако бывший полковник ФСБ РФ Григорий Кашеев сейчас был рад и этому. Если точнее, то он был не просто рад, а пребывал в эйфории. После месяца, проведенного на свалке, возможность помыться в более-менее человеческих условиях была настоящим счастьем.

Кашеев сбросил с себя лохмотья и запихал их в специально приготовленный пластиковый мешок, после чего завязал его горловину. На полке умывальника лежали мыло «Сейфгارد», бритвенная система «Жиллет-Мах3», зубная щетка «Орал-би», тюбик зубной пасты и стоял гель для бритья. Все было новенькое, в упаковке. Целый клад для бомжа.

Первым делом Кашеев освободил от упаковки мыло и нырнул под душ. Здесь была новенькая мочалка, и Кашеев, предварительно дважды намылив голову, принялся сдирать с себя налипшую грязь. Сперва вода под ним была черной, потом постепенно стала светлеть. Пройдясь мочалкой с ног до головы в третий раз, Кашеев решил, что теперь можно и побриться.

Повязав на бедра полотенце, он встал перед умывальником и нанес на заросшее лицо гель. После чего принялся скоблить щеки станком. Постепенно под ключьями пены стало выступать исхудавшее лицо.

То, что пережил Кашеев за последнее время, могло послужить основой для душеспиритного романа. Вроде «Идентификации Борна». Только этого самого Борна, придуманного Робертом Ладлэмом, враги сбросили в шторм с сейнера, а Кашееву пришлось пережить кое-что пострашнее. Его проклятый Монин пес сбросил в бездонную штольню.

Однако Кашеев выбрался из нее. Но с переломами – без смещения – ноги и двойным левой руки. Он не рискнул обращаться в больницу, а поехал в Симферополь к доктору, у которого некоторое время назад тайно делал пластическую операцию. Это было жестокое испытание. По дороге Кашеев даже потерял сознание, но нанятый им водитель-частник этого не заметил.

Доктор был в шоке, но деньги сделали свое дело. Месяц Кашеев пролежал инкогнито в палате, предназначенной для послеоперационных больных. За это время он перебрал в голове множество вариантов. И в конце концов пришел к выводу, что в его положении единственный разумный выход – это продаться американцам.

После падения в штольню и полученных травм Кашеев находился в слишком ужасной физической и моральной форме, чтобы продолжать играть в прятки с ФСБ. Доктор сделал все возможное – убрал следы от собачьих укусов и обеспечил правильное срастание сломанных костей. Но полностью восстановиться за месяц Кашеев не сумел. Для этого нужно было просто больше времени.

Уплатив по счету, он остался на мели. То есть на то, чтобы снять квартиру и худо-бедно перебиться до зимы, деньги у Кашеева были. Но он понимал, что рано или поздно ФСБ выяснит, что он жив, и возобновит охоту. И Кашеев решил сделать ход конем...

25

Оперативная машина отдела контрразведки ЧФ была оформлена на одного из доверенных лиц Плотникова из местных. Выправлять у нотариуса доверенность было некогда, поэтому Логинову пришлось рискнуть, но по дороге из Севастополя в Симферополь гаишники его, к счастью, не тормознули.

Натужно гудя движком, машина взбиралась от Хаджибеевской слободки к расположенной на горе Мониной усадьбе. И Логинов потянулся к телефону. Ответил Моня не сразу, видно, долго раздумывал, отвечать ли вообще. Но наконец буркнул в трубке:

– Да!

– Здоров, Моня!

– Здорово, Витек! Тебе чего?

– Да просто решил узнать, как дела.

– А-а... Ниче дела, Витек. Как ты из Крыма умотал, сразу стали налаживаться. Отстроился и вообще... Так чего ты хотел?

– Ты, Моня, мне вроде как не рад, а?

– Честно, Витек?

– Ну да!

– Я тебя, Витек, уважаю и все такое, но если бы я тебя не увидел больше никогда в жизни, я бы сильно не расстроился. Скорее даже наоборот.

– Спасибо за откровенность, Моня, взаимно. Но должен тебя огорчить. Тебе придется меня увидеть. И, боюсь, не один раз.

– В каком смысле?

– В прямом, Монь. Я уже к твоим воротам подъезжаю...

– Ты что, с дуба упал?

– Нет, Монь, из Балаклавы только что вернулся.

– Оттуда?

– Оттуда, Монь. И хочу тебя кое-чем обрадовать. Так что дай своей доблестной охране команду, пусть открывают ворота.

– Блин, Витек, если б ты знал, как ты мне дорог...

26

Еще в частной клинике Кашеев отпустил бороду, а едва выписавшись из нее, вышел на связь с американцами. То есть обратился в крымское представительство одной благотворительной организации. По роду своей прежней службы он прекрасно знал, какие из этих организаций функционируют на деньги спецслужб.

Кашеев встретился с представителем «Гуманитарного фонда» Томасом Симпли. Это был краснощекий, пышущий здоровьем молодой человек в очках с тонкой оправой. Симпли не был кадровым сотрудником ЦРУ, хотя и работал на Лэнгли. Когда Кашеев сообщил ему, кто он, Симпли здорово разволновался. Однако быстро взял себя в руки и провел «интервью», записав ответы Кашеева на диктофон.

Симпли заверил, что как можно скорее передаст «материалы» «руководству», однако честно предупредил, что это займет «определенное» время. Речь шла о том, что контакты с ЦРУ поддерживало только руководство «Гуманитарного фонда». То есть «материалам» предстояло пройти по довольно длинной бюрократической цепочке.

Кашеев понимал это с самого начала, но искать прямые выходы на агентов ЦРУ в его положении было слишком рискованно. Поэтому, условившись с Симпли о связи, Кашеев тут же с головой нырнул на городское дно. Сперва он поменял свою одежду на найденные в мусорном баке обноски, а потом как следует измазался. И поселился на городской свалке под видом сторожа сгоревшей церкви. Опытнейший оперативник, Кашеев просчитал, что уж здесь-то ФСБ наверняка не додумается искать его. Точно так же, как уголовный розыск никогда не додумается искать сбежавшего эска-рецидивиста на престижном вернисаже или оперной премьере.

Это был отличный план, тем более что на свалке Кашеев рассчитывал пробыть максимум неделю. Каждый день он отправлялся к обычному железобетонному столбу, на котором Симпли несмываемой краской должен был поставить условный знак.

Но знак не появился ни через неделю, ни через две, ни через три. И даже спустя месяц его не было. Сперва Кашеев терялся в догадках, а потом рискнул и наведился к офису «Гуманитарного фонда». Вывеска была на прежнем месте, и самого Симпли – живого и здорового – Кашеев тоже увидел. Это означало, что никаких форс-мажоров не случилось и «материалы» благополучно переданы «руководству».

Кашеев был близок к отчаянию. Конечно, времена, когда за любым перебежчиком из СССР ЦРУ в любую точку земного шара немедленно посылало персональный самолет, давно прошли. Однако же Кашеев был далеко не «любим». В прошлом он являлся не просто полковником Федеральной службы безопасности, а сотрудником Управления собственной безопасности ФСБ, то есть святая святых главной спецслужбы России.

Единственным объяснением было то, что в Штатах вот-вот должны были состояться президентские выборы. А поскольку нынешнему президенту это кресло уже не светило, то и руководство спецслужб не делало резких движений, предпочитая дожидаться, когда в Белом доме появится новый хозяин.

Кашеев был близок к отчаянию, но, несмотря на это, каждый день продолжал наведываться к столбу, служившему «почтовым ящиком». И три дня назад вдруг увидел на нем метку...

27

Моня встретил Логинова в своем огромном современном кабинете, но в шортах и майке. За пару прошедших месяцев он слегка поправился, и теперь на его щеках играл подростковый румянец. Но лицо было хмурым. Кивнув своему телохранителю Шварцу, чтобы тот прикрыл за Виктором дверь, Моня прошлепал босыми ногами навстречу гостю и протянул руку.

– Здорово! Проходи... Только давай в темпе, а то у меня времени совсем нету.

Логинов прошел к кожаному дивану, стоящему под боковой стенкой, и сел. Моня, подогнув под себя правую ногу, плюхнулся рядом.

– Ну? – кивнул он.

Логинов провел рукой по лицу и вздохнул:

– Кашеев жив, Моня...

– Что?! – буквально катапультировался с дивана Моня. Наклонив к Логинову лицо, он спросил: – Прикалываешься, что ли, Витек?

– Нет, Моня, – снова вздохнул Логинов. – Я сегодня сам спускался в эту штольню.

– И что?

– Он выбрался и на этот раз. Там была ржавая решетка, он ее сбил вниз, а сам за остатки зацепился. Скорее всего отделался переломами. Но закрытыми, потому что следов крови я не обнаружил.

Моня несколько секунд смотрел на Логинова неподвижно, потом сглотнул и глухо спросил:

– Слышь, так, может, его трупешник... это, просто сожрали крысы? Я там пару штук видел!

– Да труп-то они сожрать могли. И даже кожаную куртку с брюками. А вот дыхательный аппарат, Моня, навряд ли.

Моня несколько секунд помолчал, потом, не меняя позы, рявкнул:

– Шварц! Шварц!

За дверью затопали ноги. Орангутангоподобный Монин телохранитель просунулся в дверь.

– Чего?

Моня оглянулся через плечо.

– Звони охране! Пусть удвоят... нет, утроят посты! И никого не пускают без моего личного разрешения! Вообще никого! Понял?

– Понял! – вытащил телефон Шварц. – А чего случилось?

– Потом расскажу! Давай звони быстро! Все, вали!

Шварц, приложив телефон к уху, попятился в коридор и снова прикрыл дверь. Логинов вытащил сигареты.

– Можно?

Моня перевел взгляд на пачку и после паузы вдруг протянул руку:

– Дай и мне! – Прикурив, Моня сходил к столу за пепельницей и, поставив ее между собой и Логиновым, присел на диван. – Блин, Витек! Этот Кашей что, заговоренный?

– Есть немного, – кивнул Логинов. – Но на этот раз дело не в нем.

– А в ком?

– В тебе, Моня.

– Блин, а я-то тут при чем?

– А какой идиот поломал мне в Балаклаве весь план? Не ты? Если бы не Мурзик, Кашеев нас бы всех там гробанул! По твоей милости!

– После всего я еще и крайний! – стряхнул Моня пепел мимо пепельницы. – Да я тебе, блин, этого Кашея еще год назад в собачьем наморднике в Алуште приволок! Что, не так?

– Ладно, Моня, предлагаю закрыть вечер воспоминаний или, по крайней мере, перенести его на более благоприятное время. А то, пока мы тут будем выяснять, кто упустил Кашеева, он нас может взорвать к чертовой матери... Кстати, у тебя в последнее время не было никаких таких посетителей?..

28

Как и было условлено, Кашеев перезвонил Симпли из таксофона. Симпли был явно взволнован. Он сообщил, что должен немедленно «кое-что» передать. Это «кое-что» оказалось компактным спутниковым телефоном с запасной батареей.

Через полчаса после того, как Кашеев забрал его в тайнике неподалеку от железобетонного столба, ему перезвонил некто, представившийся Петром и говоривший по-русски практически без акцента, но несколько медленнее, чем это делают люди, думающие по-русски.

Телефонный собеседник без долгих предисловий сообщил Кашееву, что в ближайшие дни будет проведена операция по его экстренной «эвакуации». И вот Кашеев находился на борту американского военного корабля. Он чувствовал себя вроде плюшевого медведя, которого впопыхах выбросили на мусорку и забыли, но потом вдруг спохватились, отыскиали и окружили заботой.

Однако в голове Кашеева, в отличие от плюшевых медведей, были далеко не опилки. И он, скобля свои щеки станком, все отчетливее понимал, что здесь что-то не так. Слезливые рождественские сюжеты хороши для телефильмов, в жестоком же мире спецслужб действуют совсем другие законы. И эйфория Кашеева вдруг сменилась напряженным ожиданием...

29

Моня на секунду замер с округлившимися глазами, потом вдруг резко оглянулся:

– С утра мастер по спутниковому тюнер менял!

В тот же миг Моня вскочил с дивана и ломанулся к двери кабинета. Распахнув ее со звуком пистолетного выстрела, он пулей вылетел в коридор.

– Что?! – донесся оттуда вскрик Шварца.

– Ложись!!! – рывкнул Моня и с грохотом спикировал на пол.

– О господи! – покачал головой Логинов и перевернул опрокинувшуюся на диване пепельницу.

– Витек! – донеслось из коридора. – А ты чего?!

– Да я-то ничего, Моня, – стряхнув с сигареты пепел, повернул голову к двери Логинов. – И ты тоже кончай дурковать. Иди, договорим...

– А если это был Кашей и в тюнере бомба?

– Если бы Кашеев побывал у тебя в доме, Моня, то мы бы с тобой уже не разговаривали.

– А если это был его человек?

– Если бы это был его человек, Моня, то бомба бы уже взорвалась! Так что не страдай там фигней. Слышишь?

– Да слышу-слышу! – нервно проговорил Моня, появляясь в дверях. Подойдя к дивану, он цапнул из пачки еще одну сигарету и сказал: – Вот видишь, Витек, до чего я с тобой, блин, дошел?

– Я тебе, Моня, сочувствую, но для того, чтобы тебе помочь, мне нужно напасть на след Кашеева. Плотников сейчас проводит негласную проверку всех больниц и травмпунктов. Потому как за медицинской помощью Кашеев должен был обратиться по-любому. Но, кроме бюджетных лечебных учреждений, есть еще частные клиники. Ну и плюс доктора, которые за большие деньги оказывают негласные услуги, к примеру, раненым преступникам. Их Плотников не знает, да и разговаривать они с кем попало не станут... Ты уловил мою мысль или говорить дальше?

– Я что тебе, Шварц? – даже хрюкнул от возмущения Моня.

– Последнее время ты на него иногда смахиваешь, – слегка улыбнулся Логинов.

– Посмотрел бы я на тебя, Витек, если бы Кашей тебя столько раз взрывал!

– А то в Балаклаве он нас не вместе хотел взорвать!

– Так ты ж, блин, Витек, за это деньги получаешь, это ж твоя работа!

– Ну так это ж, Моня, твое призвание! Ты ж в бандиты пошел не для того, чтобы тебя лепестками роз осыпали, правильно, а чтоб в тебя стреляли и взрывали!

– Я в бандиты пошел, потому что время было такое.

Логинов махнул рукой:

– Другие ж почему-то пошли не в бандиты. Короче, Моня, времена не выбирают. В них живут и умирают.

При последнем слове Моня не то чтобы вздрогнул, но как-то напрягся.

– Ты это к чему?

– Это просто стихи, Моня. Но они к тому, что все зависит от человека. Дороги-то во все времена выбирает он сам. Не пошел бы ты в бандиты, тебя бы не завербовал Плотников. Не завербовал бы тебя Плотников, мы бы никогда не познакомились. А если бы мы не познакомились, тебя не взрывал бы Кашеев! Ладно, философские чтения тоже закрыли... Ты насчет клиник и лепил-подпольщиков все понял?

– Понял, – кивнул Моня, но как-то задумчиво.

– Ты точно понял? – переспросил Виктор, пристально глядя на него.

– Угу, – по-прежнему не поднимая головы, кивнул Мона. – Сейчас прозвоню и сразу пошлю пацанов.

– Тогда, чтобы они порожняки не гоняли, втолкуешь им, что речь скорее всего идет о переломах конечностей или ребер. Возможно, колотых ранах, но тупыми предметами. Я имею в виду прутья этой чертовой решетки... Ты слышишь?

– Слышу-слышу, Витек, – наконец поднял голову Мона.

– Ну и плюс на лице у Кашеева должны были остаться отметины от укуса твоего Мурзика...

– И на руке тоже! – перебил Логинова Мона. – Это все коню понятно!

Взгляд у него был на удивление ясный, как у раскаявшегося грешника.

30

Переодевшись в новенькую матросскую робу, Кашеев вышел из санузла офицерской каюты «Далласа». Купер окинул его взглядом и сказал:

– Ну вот, совсем другое дело! С возвращением, господин Кашеев! Прошу!

Купер указал рукой на роскошно накрытый стол, Кашеев повернул голову и невольно сглотнул слюну. Однако он не стал бросаться к нему, а кивнул:

– Спасибо, господин... э-э...

– Меня зовут Чарльз. Чарльз Купер.

– Спасибо, господин Купер, только после вас!

Купер оценил выдержку перебежчика и, шагнув к Кашееву, взял его под руку:

– Предлагаю закончить обмен любезностями и наконец приступить к еде! Я, честно говоря, чертовски проголодался в ожидании вас!

Минуту спустя Купер и Кашеев, выпив виски, набросились на еду. Кашеев, несмотря на голод, отметил, что ест Купер с небрежностью, присущей только аристократам да завсегдаям элитных ресторанов. Кашеев понял, что сидящий напротив человек – птица очень высокого полета.

Вскоре Купер аккуратно промокнул губы салфеткой и откинулся на стуле. При этом он на всякий случай сказал Кашееву:

– Прошу вас, не обращайтесь на меня внимания! Ешьте, это все для вас!

– Спасибо, господин Купер!

– Давайте оставим формальности, называйте меня по имени.

– Спасибо, Чарльз!

– Для вас просто Чарли, Григорий!

Кашеев кивнул, в этот момент палуба корабля вздрогнула и двинулась. Кашеев посмотрел в сторону иллюминатора, но тот оказался наглухо закрыт.

– Мы уже уходим, Григорий, – сообщил ему Купер.

– Так быстро? – невольно спросил Кашеев.

– Но ведь вы же на борту! – пожал плечами Купер.

– Так...

– Да, этот небольшой визит был устроен специально для того, чтобы забрать вас. Да-да, не удивляйтесь.

Кашеев после небольшой паузы снова склонился над тарелкой. Послать куда-нибудь гражданский самолет – это одно. А вот организовать заход в порт иностранного государства военного корабля – совсем другое. Тут надо преодолеть столько формальностей и преград в виде местного законодательства, что это занимает подчас несколько месяцев.

А сидящий перед Кашеевым человек организовал все это за каких-то три дня. Для этого он должен был иметь поистине неограниченное влияние. Примерно такое, какое имеет вице-президент США. Но имя Чальз Купер Кашееву было до сегодняшнего дня совершенно незнакомо. А это означало, что он никогда не принадлежал к высшему руководству Соединенных Штатов...

31

– Ну тогда все, – подобрал ноги Логинов. – Будет что, сразу звони...

В этот момент у Мони в кармане загромыхал стереодинамиком с многоканальной полифонией мобильный. Моня быстро выхватил его и, мазнув взглядом по дисплею, пробормотал:

– А этой звезде чего надо, блин?.. Але!

– Монежка-зайчик, у меня ж с этим макаронщиком ничего не было, ну ни на полшишечки, клянусь! Я ж с ним просто в кафешке пять минут посидела! – плаксивым голосом заняла в телефоне Лизавета, Мониная личная парикмахерша очень широкого профиля. – Он же мне в отцы годится, а ты меня выгнал...

В этот момент в дверь с мобильным просунулся Шварц:

– Монь, охрана с ворот спрашивает, Лизку впускать?..

Моня со зверским лицом показал телохранителю кулак и перебил Лизавету:

– А с кем было, а?

– Ну, Монежка, как ты мог такое подумать? Я ж тебе такая верная, такая...

– Колись, говорю, я все знаю! А то щас чемодан с твоими трусами через ворота выкинут, и вали на все четыре стороны!

Лизка в трубке фальшиво всхлипнула.

– И про... про мальчика с танцев знаешь, Монежка?

– Про всех! У меня в кабинете частный детектив, с записями приехал!

– Ой, Монежка, я сама не знаю, как это получилось, девичьей честью клянусь, зайчик! Но я ж его руками не трогала, я ж ними в стенку упиралась, я не вру, Монежка, можешь на записи проверить...

– Я тебя проверю! Я тебя так проверю, мало не покажется! – прорычал Моня. – Шварц, скажи, пусть пропустят ее и сразу ко мне тащи! Воспитывать буду!

– Ага! – кивнул Шварц.

– Ой, Монежка, спасибо, зайчик! Я больше не бу... – разразилась слезливой благодарностью Лизка, но Моня выключил телефон. – Видал? – посмотрел он на Логинова. – И это после всего, что я для нее сделал, блин!

Логинов, с трудом сдерживая улыбку, поднялся.

– Ты только людей сперва по делу пошли, а потом уже с Лизкой разбирайся. И на всякий случай пробей насчет этого «макаронника». Навряд ли это Кашеев, но мало ли...

– Угу! – кивнул Моня, пожимая Логинову руку.

– И Лизку не прибай, – оглянулся уже в двери Виктор. – Она не виновата, время просто такое было, Моня: парни поголовно шли в бандиты, девушки – в проститутки...

32

Кашеев наконец отложил приборы и, приложив к губам салфетку, откинулся на спинку. Терпеливо ожидавший, пока он насытится, Купер кивнул на бутылку:

– Еще чуть-чуть виски, Григорий?

– Не откажусь, Чарли!

Купер взял в руки бутылку и слегка повернул голову. Сэм, молча сидевший все это время на диване, мгновенно оказался у стола и с проворством наследственного официанта убрал со стола лишние приборы. Несколько секунд спустя между Кашеевым и Купером остались только тяжелые квадратные стаканы, к которым вскоре добавилась незатейливая штатная корабельная пепельница.

Купер вытащил из кармана командорской куртки пачку сигарет «Филипп Моррис» и широко улыбнулся:

– Я знаю о вас все, кроме одного! Вы курите?

– Да, – кивнул Кашеев, – но мои сигареты...

Тут он повернул голову в сторону санузла.

– Угощайтесь!

Кашеев кивнул и протянул руку. Купер повернулся к Сэму. Тот тут же пружинисто вскочил на ноги.

– Сэм, мы должны поговорить с Григорием по душам. Так, чтобы никто не смог нас услышать!

Сэм Мэтью прошел к тумбочке, извлек из нее и включил компактный генератор шумов. После этого он направился к двери и, взявшись за ручку, кивнул:

– Можете быть спокойны, сэр! К двери каюты никто даже не приблизится!

– Я надеюсь на тебя, Сэм, – кивнул Купер.

Когда дверь закрылась, он посмотрел на Кашеева, успевшего закурить. Купер последовал его примеру, выпустил дым и сказал:

– Я правильно понимаю, Григорий, что за вами уже больше года охотится ФСБ?

– Да!

– И что если она до вас доберется, то вас ожидает мучительная смерть в подвалах Лубянки?

– Смерть – да, мучительная – несомненно, в подвалах Лубянки – под вопросом!

– Отличный ответ, Григорий! Я в вас не ошибся!

– Я сделаю все, Чарли, чтобы у вас не было малейшего повода в этом усомниться!

– Тогда третий вопрос: я правильно понимаю, что вы готовы на все, чтобы отомстить вашим бывшим коллегам?

– Да! Все, что я знаю, а знаю я немало, я готов сообщить вам либо любому лицу, на которое вы укажете!

На лице Купера возникло довольно странное выражение.

– Гм-м... Не хотелось бы вас разочаровывать, Григорий, но лучше сразу внести ясность. Верно?

– Да, Чарли, – немного настороженно кивнул Кашеев.

– Дело в том, что информация, которую вы готовы предоставить, как таковая меня абсолютно не интересует.

– А-а... – протянул Кашеев и умолк.

Он был здорово растерян. Купер кивнул:

– Я все объясню. Но сперва, чтобы рассеять ваши опасения, я хотел бы спросить – вы в курсе о программе защиты свидетелей, действующей в США?

– Да.

– Тогда что вы скажете о новых документах, аккуратном домике во Флориде с участком в несколько сотен акров и банковском счете э-э... на пять миллионов долларов?

– Я... Я буду бесконечно признателен правительству Соединенных Штатов и сделаю все, что от меня потребуется...

– Отлично, Григорий! Ни слова больше! – расцвел Чарльз Купер. – Я не ошибся в вас. Вы именно тот человек, который мне нужен! И мы с вами должны непременно выпить!

33

Логинов к нотариусу решил не ходить, чтобы лишний раз не светиться. При его работе оперативника излишняя известность могла вылезти боком. Тем более что он в настоящее время работал не просто под прикрытием, а еще и на территории соседней Украины – то ли дружественной, то ли враждебной, в последнее время было не понять. Так что Логинов не просто не пошел к нотариусу, а еще и поджидал некоего Курбатова, доверенное лицо Плотникова, в машине за углом. И зорко поглядывал по сторонам и в зеркала.

Доверенное лицо от агента отличается тем, что агент сотрудничает с завербованным его офицером спецслужб на постоянной основе, то есть вроде как сидит на зарплате. А доверенное лицо время от времени или вообще один раз выполняет одно отдельное поручение куратора. Но главное, что агент должен быть оформлен по всем правилам – с личным делом, подпиской о сотрудничестве и все такое. А это, конечно, петля на шею «подписанта». Вон Моня, чтобы вырвать у ФСБ свое дело, даже жизнью рисковал.

Поэтому офицеры спецслужб, чтобы не отпугивать народ, поступали очень просто. Они проводили агентов как доверенных лиц. И те, в благодарность, что называется, не жалели живота своего. Что касается Курбатова, то он был бизнесменом, и деньги ему были не нужны. Сотрудничал он с Плотниковым для того, чтобы получить российское гражданство. С некоторых пор паспорт с триколором стал весьма и весьма соблазнительной вещью.

Курбатов вышел из-за угла и направился к машине, в которой его поджидал Логинов. Это была «Дэу Сенс», корейская копия «Опеля». Дрянная машина во всех отношениях, кроме одного – таких корейских подделок в Крыму бегало столько, что лучшей маскировки просто невозможно было придумать. Логинов на всякий случай оглянулся, но «хвоста» за Курбатовым не было. Что, впрочем, было и неудивительно. Прилепиться у нотариуса «хвост» к нему просто не мог.

– Ну что? – спросил Виктор.

– Вот, пожалуйста! – открыл кейс Курбатов и протянул документы. – Как говорится, владейте на здоровье!

– Ага! – кивнул Виктор. – Спасибо!

– Да не за что, – пожал плечами Курбатов. – Машина-то не моя, просто оформлена на мои документы. Ну, бывайте! Успехов!

– Всего доброго! – пожал Логинов протянутую руку.

Курбатов вышел из «Дэу» и направился к своему джипу «Субару Форестер». Логинов снова посмотрел на часы и покачал головой. Чтобы оформить доверенность, у него ушло почти полдня. Время было уже половина шестого вечера. Он вытащил телефон и позвонил Плотникову.

– Да, Логинов! – раздраженно буркнул тот.

– Ну что у тебя насчет лечебных учреждений, Плотников?

– Ты что, думаешь, это так просто?

– Я ничего не думаю, я просто интересуюсь.

– Люди работают, как что-то будет, я сразу доложу!

– Ты зачем такой злой, Плотников?

– Да потому что месячный финансовый отчет мне завернули! Почеркали вкривь и вкось!

А тут же не отчет, а целая простыня, блин! А у тебя что хорошего, Логинов?

– Я уже при доверенности. Так что могу смело кататься на вашем рыдване.

– А-а. Хорошо тебе... Ты Курбатову деньги отдал?

– Какие деньги?

– Ну за доверенность...

- Нет. Ты ж не сказал, а он уже уехал... – быстро оглянулся Логинов.
- А то ты сам не знаешь, что доверенность денег стоит!
- Да что ты орешь, Плотников? Сказал бы, я б отдал...
- Да у меня знаешь, сколько заморочек? Без твоей доверенности.
- Да ладно, он же вроде нормальный, в следующий раз рассчитаешься, – примирительно проговорил Логинов.
- Ладно, проехали... – сказал Плотников. – А Моня твой что?
- Молчит Моня. Сейчас перезвоню. Тоже небось будет орать. Какие-то вы тут все нервные в Крыму, Плотников. Вся жизнь курорт, а нервы ни к черту...

34

– Итак, Григорий, – сказал Чарльз Купер, опустив на стол тяжелый стакан, – я от имени правительства США официально обещаю вам, что, как только вы ступите на землю Соединенных Штатов, к вам немедленно, в полном объеме и без каких-либо дополнительных условий будет применена федеральная программа защиты свидетелей! Но... но прежде, чем мы вернемся в США, нам с вами предстоит осуществить, я бы назвал это специальной операцией, но не могу, потому что никакой операции как бы не существует. Существует только шифр: «Армагеддон»...

– Армагеддон?.. – тихо спросил Кашеев.

– Да. Вы, надеюсь, знаете, что это такое?

– Ну, это что-то вроде Апокалипсиса, в смысле, конца света... – неуверенно проговорил Кашеев.

– Не совсем, – сказал Купер. – Апокалипсис – одна из книг Нового Завета, содержащая пророчества о конце света, о судьбах мира и человека и о страшном суде. Поэтому слово «Апокалипсис» часто употребляют как синоним конца света или любой глобальной катастрофы. Слово же «Армагеддон» происходит от слов «ар» – гора или высота и «мегиддо» – рубить, обрезать, убивать. То есть в буквальном переводе с древнееврейского это слово переводится как «крушение возвышающегося». В общепринятом же смысле это место битвы всех царей земных с Антихристом.

– Понятно, – кивнул Кашеев.

– Тогда я в двух словах сообщу вам, так сказать, предысторию возникновения этого шифра. В связи с удорожанием энергоносителей Россия за последние годы смогла саккумулировать огромные средства. Ее нефте- и газопроводы все больше опутывают Азию и Европу. Они не только приносят колоссальные прибыли, но и превращаются в удавки свободного мира. К сожалению, наши союзники в Европе недооценивают эту опасность. Мало того, они по уши увязли в совместных с Россией энергетических проектах. То есть, по существу, помогают России плести для себя самих удавки. До поры до времени США смотрели на это со стороны. Однако события в Грузии показали, что так дальше продолжаться не может. И президент США провел тайные консультации с кандидатами на этот пост от обеих партий. Оба кандидата согласились, что необходимо предпринимать срочные меры. После этого состоялось заседание Комитета по делам разведки. На нем все присутствующие сошлись во мнении, «что крайне желательно, чтобы события развивались таким образом, который бы поставил под сомнение энергетическую гегемонию в Европе». После чего по моему предложению эти гипотетические события были обозначены шифром «Армагеддон». Однако, по согласию всех членов Комитета, в протокол упоминание об этом занесено не было. Надеюсь, теперь вам все ясно?

– Да, – кивнул Кашеев.

Теперь все действительно стало на свои места. Чарльз Купер, если бы ему понадобилось, мог организовать не только заход «Далласа» в Севастополь, но даже посадку марсиан на Елисейских Полях. Потому что он действовал с негласной санкции высшего руководства США. По существу, этому человеку был дан карт-бланш на любые действия – от вульгарного убийства до небольшой войны, с единственным условием, что невозможно будет доказать причастность США.

– Я все понял, Чарли. И готов... всячески способствовать тому, чтобы события развивались таким образом, который бы поставил под сомнение энергетическую гегемонию в Европе.

– Тогда предлагаю выпить за Армагеддон, – потянулся к бутылке Купер, – место битвы всех царей земных с Антихристом и крушение возвышающегося!

35

Монин телефон не отвечал. То есть не то что не отвечал, а был вне зоны. Логинов покопался в телефонной книге и отыскал номер Лизаветы. Но и ее телефон оказался вне зоны доступа. Тут Логинов почувствовал, как у него между лопаток пробежал холодок, и позвонил начальнику Монинской охраны. Телефон начальника охраны оказался на связи, вот только по нему никто не ответил.

Тут Логинов быстро тронул машину с места и направил ее к выезду на симферопольскую дорогу. А параллельно перезвонил Плотникову. Тот ответил только после пятого или шестого гудка:

– Ну, чего тебе еще?

– Плотников! У Мони ни один телефон не отвечает! Я гоню к нему в Симферополь! Поднимай людей!

– Каких, блин, людей? Все ж по твоим больницам работают!

– Ну тогда сам выезжай! Если Кашеев добрался до Мони, надо брать след!

– О господи! Что за жизнь?

Логинов отключился и сосредоточился на дороге. Езды от Севастополя до Симферополя на хорошей машине было всего ничего. Но «Дэу Сенс» была не очень хорошей машиной, да и с гаишниками Логинову связываться не было абсолютно никакого резона, так что он сильно не гнал и успел за время поездки передумать черт знает что.

Конечно, с тех пор, как Моня выменял в Алуште свое агентурное дело на одетого в собачий намордник Кашеева, он был сам по себе и формально никакого отношения к ФСБ не имел. Но при этом Логинов прекрасно понимал, что если Кашеев добрался до Мони и отправил его на тот свет вместе с Лизкой, Шварцем и охраной, он, Логинов, будет винить в этом себя до конца жизни.

Наконец «Дэу» миновала Хаджибеевскую слободку Симферополя и начала взбираться на гору, на верху которой располагалась Монина «сиротская» усадьба. Тут уж Логинов гнать не мог при всем желании – слишком слаб был движок «Дэу». Наконец впереди показались ворота. Никаких милицейских машин и прочих признаков беды возле них не просматривалось. Но это, конечно, еще ни о чем не говорило.

Логинов затормозил и посигналил. Установленная наверху камера чуть шелохнулась. Логинов выглянул из машины и крикнул:

– Эй, я к Моне!

Охрана знала его как облупленного, однако ворота не открылись. Вместо этого в динамике переговорного устройства послышалось:

– Моня просил передать, что он выбрал другую дорогу!

– Что?! – заглушил двигатель Логинов.

– Моня просил передать, что он выбрал другую дорогу, – повторил тот же голос.

– Какую еще дорогу? – выбрался из машины Логинов.

На всякий случай он оглянулся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил.

– Без понятия, – проговорили в переговорном устройстве. – Моня сказал: «Приедет Логинов, скажите ему, что я выбрал другую дорогу. Он поймет...»

– А-а, – наконец вспомнил Логинов, о чем они с Моне говорили днем. – А где он сам?

– Уехал. С Лизаветой и Шварцем.

– Куда?

– На Тибет.

– Куда-куда?!

– На Тибет.

– На какой, на хрен, Тибет?!
– На тот, на котором Шамбала...
– Слышь, открой, я хочу с начальником охраны поговорить!
– Моня сказал: «Логинова не пускать. Если ему что непонятно, пусть приезжает на Тибет».

В этот момент у Логинова зазвонил телефон. Он быстро вытащил его и приложил к уху:

– Да!

– Ну что, Логинов, мы уже на слободке, а ты где? Нам подниматься или тут ждать?

– Разворачиваться! – зло проговорил Логинов.

– В каком смысле?

– В прямом! – сказал Логинов, садясь в машину. – Эта жирная скотина, эта трусливая тварь смылась!

– Это ты про Моню?

– Ну да, а про кого же?

Плотников вдруг засмеялся.

– Что ты ржешь?

– А что мне делать, плакать? Я бросаю свой финансовый отчет, срываю людей и мчусь как угорелый из Севастополя в Симферополь, чтобы узнать, что Моня смылся... А куда, кстати?

– На Тибет! В Шамбалу!

Плотников засмеялся еще сильнее.

– Да что ты ржешь? Что тут смешного?

– Не ори, Логинов. А то ты приехал вроде на курорт, а злой как собака. Как ты смотришь на то, чтобы выпить?

– Что?..

– Выпить, Логинов. Я сегодня этим отчетом все равно заниматься уже не буду. Да и ты, насколько я понимаю, в Шамбалу сегодня тоже не поедешь...

Логинов вздохнул:

– Да я вчера и так... перебрал.

– Ну так я ж не предлагаю тебе упиться. Я предлагаю культурно. В целях поправки нервной системы. У меня, кстати, есть бутылка «Жириновского». С личной подписью Вольфовича. Бывал он как-то у нас.

– Ну так оставишь лучше потомкам. Глядишь, лет через пятьдесят продадут с аукциона.

– Думаешь, какой-то дурак купит?

– Может, и умный купит. А нам-то какая разница, что пить. С подписью, без, лишь бы нервы успокаивало.

– Ладно, уговорил. Не хочешь Вольфовича, купим в магазине.

– Так я у вас на курорте и сопьюсь.

– Не сопьешься, Логинов. Мы ж похмеляться не будем.

– А-а, ну тогда ладно, Плотников, уговорил. Только бутылку беру я. В счет оплаты доверенности.

– Ну а я тогда из своего продпайка выставлю тушенку.

– Договорились.

– А тебе билет бронировать?

– Какой билет? Куда?

– Как какой, Логинов? В Шамбалу, конечно, куда ж еще...

36

– Ну что же, Григорий, – сказал Купер, опорожнив свой стакан. – Теперь непосредственно к делу. И предлагаю перейти на «ты», поскольку мы теперь связаны крепче, чем сиамские близнецы.

– Да, конечно, Чарли, – ответил Кашеев.

Он слегка захмелел, но не столько от выпитого, сколько от осознания того, что он, бывший с утра вонючим бомжем с насмешливой кличкой Десантура, сейчас сидел за одним столом и беседовал на равных с человеком, за спиной которого стояла вся мощь Соединенных Штатов Америки. Шевельни Купер пальцем, и десяток авианосцев тут же отправились бы к Антарктиде. Или к Арктике. При условии, конечно, что их передвижения нельзя будет связать с событиями, обозначенными шифром «Армагеддон».

– Ты слышал когда-нибудь слово «Набукко»?

– Это город в Иудее? – попытался угадать Кашеев.

– Нет. Это аббревиатура более позднего происхождения.

– И как она расшифровывается?

– Это не имеет значения, поэтому опустим это. «Набукко» – это проект газопровода из Средней Азии в Европу. По которому можно будет в обход России качать газ из Казахстана и Узбекистана. С одной стороны, это позволит избавить эти два государства от транзитной зависимости от России, а с другой – значительно снизить зависимость Европы от российского газа. Стоимость этого проекта около семи с половиной миллиардов долларов. После того, как США согласились внести значительную часть этой суммы, он был одобрен Еврокомиссией. Но еще до начала строительства «Набукко» Россия, по существу, торпедировала этот проект. «Газпром» соблазнил дивидендами итальянский концерн «Эни» и создал консорциум по строительству газопровода «Южный поток». Это тот же «Набукко», но проходящий между Каспийским и Черным морями по территории России. Из-за этого он намного короче. Пропускная способность «Южного потока» десять миллиардов кубометров природного газа в год. То есть с пуском в эксплуатацию он будет приносить чистой прибыли около пяти миллиардов долларов в год. Что-то перепадет «Эни», но львиная доля этих денег достанется России. И она сможет каждый год дополнительно строить, к примеру, двести современных боевых самолетов. Или три подводных атомных ракетных крейсера, способных своим ядерным оружием смести с лица земли половину Европы. Понимаешь, Григорий?

– Да, – кивнул Кашеев. – Пять миллиардов долларов – это огромные деньги.

– Ну так вот. Мы должны заставить события развиваться таким образом, чтобы Россия этих миллиардов не получила.

– А... разве это возможно?

– Все возможно. Если правильно рассчитать события. Морская подводная трубопроводная часть «Южного потока» в стадии строительства. А вот компрессорная станция уже построена. Она называется «Прибрежная» и расположена в Краснодарском крае неподалеку от поселка Верхо-Григоровка. На уровне 235 метров над уровнем моря. Ее строительство длилось около двух лет, на торжественном открытии присутствовали продажные итальяшки из «Эни», поскольку там установлено их оборудование и они являются совладельцами «Прибрежной». Я бы на их месте не стал бы так рисковать, – вдруг ухмыльнулся Купер. – Ведь по дороге их вполне могли подстрелить партизаны...

– Какие партизаны? – спросил Кашеев.

– Те, что регулярно обстреливают в Дагестане и Чечне полицейских. Ведь от Дагестана и Чечни до «Прибрежной» буквально рукой подать. Так разве не может какой-нибудь отряд

партизан преодолеть каких-то двадцать или пятьдесят миль и превратить «Прибрежную» в развалины! А потом, оставив пару-тройку погибших, снова уйти в горы!

– Может, – заявил Кашеев. – Чеченцы и до Москвы доходили!

– Вот и ответ на твой вопрос! После такого итальяшкам ничего не останется, как, потребовав компенсации, приползти на брюхе и проситься в проект «Набукко». Потому что к тому времени, когда «Прибрежная» будет восстановлена, «Набукко» уже будет всю качать газ в Европу! Да и кто даст гарантию, что доблестные партизаны не повторят свой героический рейд снова?

– Никто, – пожав плечами, сказал Кашеев. – Только где мы возьмем доблестных партизан, Чарли?

– Отличный вопрос, Григорий! Доблестных партизан мы возьмем в Турции. В лагерях чеченских беженцев. Как раз туда мы сейчас и направляемся. Уже завтра мы будем на военно-морской базе Акзас-Караагач...

37

Двигатели «Боинга» завывали сильнее. Лайнер начал снижаться. Далеко впереди, на горе, проглянул огромный мегаполис Афин. Внизу виднелось синее море, испещренное белыми точками яхт и темными стрелками океанских судов.

Подавшийся к иллюминатору Том Симпли счастливо улыбнулся. Неожиданная командировка в греческое представительство «Гуманитарного фонда» была настоящим подарком. Завтра-послезавтра здесь должен был пройти краткосрочный тренинг для менеджеров стран Евросоюза. Симпли в состав участников включили в последний момент, хотя он работал в регионе постсоветского пространства.

Это был отличный знак. Фактически это означало, что Симпли намечен руководством к переводу в одну из стран Еврозоны. Возможно, в Чехию или Словакию. А может, и во Францию. Симпли не хотел загадывать, чтобы не сглазить. Главное, что его заметили. И теперь перед выпускником заштатного американского университета Оклахомы забрезжила весьма радужная перспектива.

Симпли было всего двадцать семь лет, три из которых он отсидел в представительстве «Гуманитарного фонда» в Крыму. Это было, конечно, намного лучше, чем прозябать на оклахомской ферме отца. Но ни в какое сравнение не шло, к примеру, с Нантом. Или даже с городом Пльзень в Чехии, славящимся на всю Европу своим пивом и расположенным менее чем в часе езды от Праги.

Посадка прошла успешно, и вскоре Симпли уже вынырнул из кондиционированной прохлады Афинского аэропорта. И снова улыбнулся. Погода в Афинах была самая что ни на есть летняя. В куртке было жарковато, и Симпли поставил свой чемодан на колесиках, чтобы снять ее.

Час спустя он уже поселился в гостинице, в которой всем участникам тренинга были забронированы номера. Симпли приехал одним из первых. Наскоро приняв душ и побрившись, он отправился в представительство «Гуманитарного фонда», чтобы побыстрее покончить с регистрационными формальностями и посвятить вторую половину дня экскурсии по Афинам.

Как и рассчитывал Том, управился он довольно быстро. Ему вручили свежееотпечатанный и заламинированный бейдж участника тренинга и сообщили, что в представительстве необходимо быть завтра в восемь. Симпли уже наладился на выход, предвкушая беззаботный день, как вдруг его окликнула сотрудница, занимавшаяся регистрацией:

– Том!

– Да, Сара! – оглянулся Симпли.

– Зайди к Джеку! Быстро!

Том слегка удивился, но тут же направился к кабинету руководителя представительства. Сара, положив трубку, шепнула ему:

– У него на проводе Барбара!

Симпли невольно ускорился. Барбара Гриффит занимала пост исполнительного директора европейского филиала «Гуманитарного фонда». За глаза ее называли «железной» Барбарой. Ходили слухи, что в прошлом она работала в оперативном отделе ЦРУ и была причастна минимум к десятку громких убийств в странах «третьего мира» и паре небольших революций.

– Да, мэм! Я понял, вот он уже заходит! – проговорил в трубку руководитель греческого представительства Джек и сделал Симпли энергичный знак рукой. – Даю трубку!

Подскочивший к столу Симпли сжал трубку мгновенно вспотевшей ладонью.

– Это Барбара Гриффит! – услышал он.

– Доброе утро, мэм! То есть день! Томас Симпли слушает!

– Добрый день, Том! Как добрались?

– Спасибо, мэм! Отлично!

– Том, у меня будет к вам небольшая просьба! Сегодня вечером в Пирей зайдет яхта с м а т е р и а – л а м и т р е н и н г а. К сожалению, люди Джека будут заняты. Вы не сможете их получить?

– Конечно, мэм, смогу!

– Тогда внимательно слушайте и запоминайте...

Далее Барбара дала четкие инструкции и велела их повторить. Симпли с этим справился и услышал:

– Отлично, Том! Думаю, в скором времени у меня для вас будут хорошие новости. Но об этом мы поговорим, когда вы передадите м а т е р и а л ы Джеку.

– Понял, мэм!

– А теперь передайте ему трубку!

– Передаю, мэм!

Симпли протянул трубку Джеку и, вытащив из кармана платок, поспешно вытер ладони. Барбара инструктировала Джека насчет того, чем необходимо снабдить Тома на встречу. Наконец Джек попрощался с ней.

– Ты все понял? – спросил он.

– Да! – кивнул Том.

Слова «материалы тренинга» Барбара интонационно выделила, так что оба прекрасно понимали, что речь идет о каких-то документах. Джек сказал:

– Сара даст тебе наши официальные материалы. То, что тебе передадут, спрячешь в них. Я буду ждать тебя здесь, Барбара велела немедленно устроить переправку. Ты все понял, Том?

– Да!

– Вот и отлично! – кивнул Джек, снимая трубку внутреннего телефона.

38

«Даллас» медленно входил на военно-морскую базу Акзас-Караагач. Тут на берегу никаких протестантов не было. Американцы в Турции чувствовали себя как дома. Еще с тех далеких послевоенных времен, когда вдоль побережья Турции как грибы после дождя одна за другой начали появляться станции АНБ. После станций в Турции появились американские ракеты. Именно узнав о них, Никита Хрущев решил в ответ разместить советские ракеты на Кубе. Операцию провели в таком строжайшем секрете, что узнали американцы о ракетах только благодаря случайности – когда проявили пленки с самолета-разведчика «У-2», совершавшего один из редких разведывательных полетов.

Далее разразился Карибский кризис, и под угрозой начала третьей мировой войны американцы вынуждены были свои ракеты из Турции спешно убрать – в обмен на вывоз советских ракет с Кубы. Потом ракеты завезли снова, но к тому времени в Крыму уже были построены несколько батарей береговой артиллерии. Ракетной. И эти ракеты могли за несколько секунд достичь побережья Турции. Однако с распадом СССР все это было демонтировано, а две ракетные подводные лодки ЧФ пошли в металлолом.

И американцы стали чувствовать себя в Турции еще вольготнее, чем прежде. В дальнем конце бухты базы Акзас-Караагач Шестой американский флот имел свой причал. К нему-то вскоре и пришвартовался «Даллас». Чарльз Купер слегка приоткрыл колпак иллюминатора и оглянулся:

– Сэм!

Сэм Мэтью молча открыл запоры вместительного металлического бокса, стоявшего в углу каюты. По легенде, в этом боксе на борт «Далласа» с подводной лодки перегрузили секретные образцы новейшего радиоэлектронного оборудования. Сэм Мэтью повернулся в сторону Кашеева и слегка улыбнулся.

– Тебе, Григорий, придется туда влезть, – сказал Купер. – Но это ненадолго.

Кашеев кивнул и забрался в бокс. Устроиться удобно в нем не представлялось возможным, но все же, приняв какую-то из поз йоги, бывший полковник ФСБ поместился. Крышка с мягким стуком опустилась, приглушенно щелкнули запоры. Вентиляционные отверстия в боксе имелись, но все же пребывание внутри удовольствия доставляло мало.

Впрочем, транспортировку организовали оперативно. Сперва Кашеев услышал шаги вошедших в каюту матросов, потом бокс выплыл в коридор и резко накренился на внутреннем трапе. Снеся бокс на причал, матросы погрузили его в джип. Путешествие было не слишком комфортным, но заняло всего пять минут. Потом джип дважды ненадолго остановился перед воротами, и бокс наконец занесли в какое-то помещение. Едва шаги грузчиков затихли, Купер лично открыл запоры.

– Как самочувствие, Григорий?

– Спасибо, Чарли! – ответил Кашеев, разгибаясь.

Выбравшись из ящика, он оглянулся. Они находились в стандартном передвижном модуле, устроенном в просторном морском контейнере.

– Располагайся и устраивайся! – воскликнул Купер. – Этот модуль в твоём полном распоряжении. Я живу в соседнем. Сэм – в том, что напротив! Места здесь достаточно. Это законсервированная база АНБ. Раньше здесь жили его сотрудники, но теперь новое оборудование обеспечивает автоматический съём информации. Я загляну к тебе чуть позже, Григорий, – кивнул Купер и вышел.

Кашеев, разминая затекшее тело, подошел к окну. Внизу виднелась бухта. Законсервированная база располагалась на горе, поближе к антеннам. Ее территория по периметру была

обнесена забором с колючей проволокой. У КПП, к которому Сэм Мэтью проводил грузчиков-матросов, торчал часовой в форме морского пехотинца.

Агентство национальной безопасности было самой секретной и самой большой разведывательной структурой США. Приказ о ее создании не имел номера и был написан от руки лично президентом Трумэном. Из денег, ежегодно выделяемых Конгрессом на разведку, львиная доля доставалась именно АНБ. Все директора ЦРУ пытались с этим бороться, но борьба эта так ни к чему и не привела. ЦРУ как было, так и осталось бедным родственником АНБ.

Миллиарды долларов, ежегодно вкладываемых в АНБ, ежедневно превращались в триллионы бит информации. По существу, АНБ было гигантским мировым спрутом, главной задачей которого был сбор информации в любом виде. Тысячи станций по всему миру непрерывно сканировали все частоты, записывая практически все сигналы – от переговоров Маши из Сыктывкара с Ваней в Таганроге до кодированного радиообмена летчиков кубинских ВВС. Космические спутники вели непрерывную съемку поверхности Земли. Морские сонары вычленили из океанских шумов и также фиксировали техногенные звуки.

Потом всю эту огромную массу информации сортировали, расшифровывали и анализировали супермощные компьютеры. Без них АНБ было никуда. Так что именно АНБ каждый владелец персонального компьютера был обязан возможностью окунаться в Интернет. Потому что именно миллиарды АНБ стимулировали столь стремительное развитие компьютерных технологий. И не нацарапай Гарри Трумэн корявым почерком свой секретный приказ, мобильный телефон сейчас весил бы столько же, сколько чугунный утюг, и носить его было бы так же удобно.

Все это мгновенно пронеслось в голове Кашеева, и он невольно улыбнулся. Он просчитал все верно. АНБ умело не только добывать чужие, но и хранить свои секреты. И теперь Кашеев находился в полной безопасности, под охраной, через которую не могли просочиться не то что агенты ФСБ, но даже законные турецкие власти.

39

- Ну что у тебя, Плотников, по больницам? Ничего?
- По нулям...
- Понятно...
- Слышь, Логинов, а может, он того, утонул?
- Выбрался из штольни и утонул в море?
- Так оно же всегда так и бывает. Возьми того же Гагарина...
- Да Кашеев не Гагарин! Он из другой породы!
- Но в больницы он точно не обращался...
- Да это я уже понял! Значит, он обратился к какому-то бандитскому доктору! Блин, я бы этого Моню убил! Хоть бы выходы оставил, скотина, на лепил, которые уголовников лечат!
- Ну не знаю. Я все, что мог, сделал... А ты что теперь делать думаешь?
- Слушай, достань-ка мне сводки за последние два месяца! По преступлениям и происшествиям...
- А смысл?
- Проштудирую, может, и найду в них смысл.
- По-моему, это без толку, Логинов.
- Продиктовать телефон, позвонишь в Москву?
- Зачем?
- Объяснишь замдиректору ФСБ, что так, мол, и так, все это чепуха с бантиками, Кашеев утонул в море и искать его бессмысленно!
- Да нет, спасибо.
- Пожалуйста. Так когда будут сводки?
- Тебе какие? В смысле, по всему Крыму, по Севастополю, по Балаклаве?
- Все, какие достанешь.
- Хорошо. Я сейчас прозвоню кое-кому. Попробую договориться...

40

Кашеев заканчивал осматривать жилой модуль, доставшийся ему в наследство от неизвестных сотрудников АНБ, когда в дверь постучали.

– Да! – выглянул из-за дверцы шкафа Кашеев.

В модуль вошел Купер. Он выглядел по-деловому.

– Ну что, Григорий, как тебе наш мотель?

– Нормально, – закрыл дверцу Кашеев. – По сравнению с обгоревшим ларьком, в котором я жил еще вчера, это просто хоромы.

– Я рад, что тебе понравилось, – сказал Купер, но просто из вежливости. – А как ты себя чувствуешь?

– В безопасности, Чарли, – вполне искренне кивнул Кашеев. – Почти так же, как приговоренный к смерти, просидевший месяц в камере смертников и вдруг выпущенный на свободу.

– А как твои переломы?

– Рука немного побаливала ночью, а так вполне...

– Давай-ка съездим в здешний госпиталь, Григорий, пусть тебя посмотрят.

Кашеев отнекиваться не стал. Ни один футбольный тренер не заявит игрока на матч, пока его не освидетельствуют врачи.

– Мне переодеться? – спросил Кашеев, посмотрев на свою матросскую робу.

– Не стоит, – махнул головой Купер, разворачиваясь к двери. – Это же здесь, на базе. Да и выбора у тебя особого нет. Но ничего, выберемся в город, оденем тебя с ног до головы.

Они вышли на улицу. Вслед за Купером Кашеев обогнул соседний контейнер. За ним, у торцевой стенки, стоял далеко не новый «Додж». Сигнализации на нем установлено не было, так что Купер просто распахнул водительскую дверцу и кивнул Кашееву:

– Прошу!

Кашеев обошел машину и уселся на переднее сиденье, Купер провернул ключ в замке зажигания. «Додж» нехотя завелся. Кашеев оглянулся в салоне:

– От АНБ остался?

– Да! – сказал Купер. – С виду рухлядь, но Сэм смотрел двигатель, сказал, состояние вполне приличное. Да нам-то в ралли не участвовать, верно?

С этими словами Купер тронул автомобиль с места. У ворот внутреннего периметра дежурил морской пехотинец. Открыв их, он отдал честь. Второй забор окружал территорию, на которой были разбиты антенны. Они здесь были самых причудливых конструкций и конфигураций. Тут на КПП дежурила пара морпехов. Пока один по-быстрому пропустил машину, второй отсалютовал.

Дальше дорога пошла под гору к бухте и завиляла вдоль ее берега. Миновав причал с несколькими ракетными катерами, Купер свернул к одноэтажному продолговатому зданию, растянувшемуся под нависающими скалами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.